

Кира Кольцова

*ПТИЦА
ДИВНАЯ*



Кира Кольцова

Птица дивная

«Издательские решения»

Кольцова К.

Птица дивная / К. Кольцова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857134-3

Я войду в твою жизнь, грешницей и музой! Я влечу в нее, разбив стеклянную стену... Ужас и всемогущие любви принесу с собой, сожалея над твоим бессилием... Кто я? Рок или спасение? Слабая и незащищенная... Только не отнимай у меня последнее, ибо рубище мое — хуже саваны... Реальная история. Реальные события.

ISBN 978-5-44-857134-3

© Кольцова К.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Птица дивная

Кира Кольцова

© Кира Кольцова, 2017

ISBN 978-5-4485-7134-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Один мой друг после лобового столкновения с редкой райской птицей, обзавелся не только отметиной на лбу, но и решил вступить в поединок с Богом. Доказать всем, что можно и должно жить без любви..., но, шаг за шагом, испытывая боль в суставах от не привычных движений, идя на встречу к птице, он начал понимать, что проспорил Богу и, не что иное, как любовь заставляет его ноги идти... и не важно, как далеко...

...Я и в небе и горю в огне... я и жажда, и водица из ручья,
а тропа, что уведет меня – в сердце ангела и демона – во мне...

Глава 1

– Вась, погоди! Давай назад! Ты видел?

– Что, видел? – ответил Василий, сотрудник полиции, выворачивая руль уазика, с намерением объехать дорожную выбоину.

– Да мужик, в плавках, раздетый, голосует на обочине! – не унимался его напарник.

– Да ты че? Бредишь, что ли? – огрызнулся Василий, явно не желая поддерживать разговор.

– Да я серьезно! Глянь в зеркало, вон он, так и стоит!

Напарник схватил Василия за рукав куртки, явно желая привлечь к себе внимание. Полицейская машина на мгновение остановилась, а затем задним ходом, медленно стала приближаться к незадачливому бедолаге.

– Точно, вот он, надо же... – не справляясь с удивлением, ответил Василий.

– Глянь, он на нас – ноль внимания и гипс у него поврежденный, в крови... он – босиком! Глянь! Да остановись же ты, в конце концов!

Сергей, босой, в одних плавках, с разбитым гипсом стоял на обочине дороги в надежде, что кто-то остановится и подвезет его. Сотрудники полиции спешно покинули уазик и направились к «голосующему». На какое-то мгновение оба полицейских стали просто людьми, а не представителями правоохранительной системы, бросившись к замерзающему от холода мужчине, испытывая шок от увиденного.

– Эй! Ты как тут оказался? Ты что из больницы сбежал? – заговорил Василий, обращаясь к незнакомцу, который явно, одержимый своим намерением, гонимый неведомо кем, не стремился вступать в контакт с посторонними и отвечать на вопросы. – У тебя гипс почти развалился, кровь! Тебе в больницу надо!

– Я в больницу не вернусь, мне срочно... надо..., с трудом преодолевая боль, Сергей разжал грязную ладонь, привлекая внимание полицейских к клочку бумаги, такому же грязному, но надежно хранимому и оберегаемому. Он из последних сил повернул голову в сторону подошедших к нему людей и потерял сознание.

– Ух, ты! Тяжелый! – с возмущением произнес Василий, пристраивая незнакомца на заднее сидение уазика. – Возьми его бумажку и посмотри что в ней, – обратился он к напарнику, закрывая заднюю дверь. – Все, едем в отдел! Он без документов! На месте будем разбираться кто это и откуда. Василий завел двигатель, и автомобиль медленно отъехал с места, отмеченного таким странным и редким происшествием.

Центр города, ярко освещенный всеми возможными способами, не спал и был весьма оживлен присутствием прогуливающихся пар, шумных компаний и проезжающих мимо автомобилей. «Оглушенные» увиденным свидетели, не решились вмешаться, просто подошли. Видимо то, что впечатлило их этой холодной и сырой мартовской ночью, казалось невозможным и непостижимым. Люди, смотревшие на раздетого и босого мужчину, его отчаянную попытку остановить попутку, ежились друг к другу и тихо шептались, кивая в его сторону, не решаясь подойти. Хорошо сложенный, средних лет, он стоял по щиколотку в дорожной грязи, забывший о боли и холоде, вызывая изумление и тревогу, а его сила и одержимость – отталкивали тех, кто наблюдал за ним в тот момент, вызывая странное уважение и одно лишь желание – не мешать ему. Сильный и смелый, он не позволял ни кому подойти к себе, ни с жалостью, ни с сочувствием...

...Наскочив на глубокую дорожную выбоину, залитую талой водой, уазик резко остановился – у крыльца ОВД. От сильного толчка, Сергей очнулся и попытался сориентироваться в пространстве. Чудовищная боль в ноге злила его, мешала действовать и отвлекала от всего того, что так сильно волновало его сейчас. «Где я? – подумал он, Анжелика... Я ее больше

не увижу..., она не простит меня, ведь я хотел ее убить... ее глаза, полные ужаса и боли... любимые глаза... я сделал ее заложницей всех своих потерь... проклятый алкоголь...» – Мне надо к жене! Я не могу здесь с вами терять время! Отпустите меня! – закричал Сергей, обращаясь к тем – двоим, в полицейской форме, кто тащил его на себе сейчас, в сторону освещенного крыльца отдела полиции.

– Ну да! И куда ты пойдешь? Опять ловить попутку? В плавках, грязный, ты видел себя? Падал, наверное, все дерьмо дорожное на себя собрал..., чей это телефон? С той бумажки, что ты нам подсунул? А документы твои, где? – нервно спросил Василий, снова разглядывая задержанного им мужчину, повышая в тоне градус недоверия к нему.

– Мои документы у жены, наверное, позвоните ей, прошу вас, это ее телефон! – заикаясь от дрожи, просил Сергей. Его грубо усадили в расшатанное и кривое кресло. Пытаясь занять удобное положение, он следил за каждым движением тех двоих, кто привез его сюда и рассчитывал на их помощь.

– Пойдем, покурим, а этот пусть отдохнет здесь, не много. Че-то не по себе мне, – обратился к Василию напарник, уверенно спеша к выходу. – Странно все это. Ни когда не думал, что вот – такого, можно встретить, да еще и голосующим на обочине, в марте.

– Как в кино! – с улыбкой ответил Василий. – Ситуация типа: «за любимой – босиком по снегу»! Чудно! Правда?

– Видать нагадил он, сильно, – сквозь сигарету задумчиво произнес напарник, вглядываясь в ночной суровый мрак.

Слабо освещенное крыльцо с обшарпанными ступеньками, со всех сторон поглотила, сжала в кольцо мрака, холодная мартовская ночь. Сырой холод своей промозглостью пытался прогнать всех, находящихся в это время под открытым небом, скрыться, в теплых домах. Бесконечно морозящий то ли снег, то ли дождь, наводил такую тоску, что не в радость была даже сигарета.

Отделение продолжало жить своей жизнью. Жизнью – скрытой и обособленной. Патрулирующие ночной город машины, уезжали и возвращались, привозя с собой представителей яркой и призрачной изнаночной стороны жизни города. Наркоманы, хулиганы, бродяги без документов – заняли все кресла в простеньком и незамысловатом холле. «Клубные», полуразваленные кресла, доставшиеся в наследство от «Советского прошлого», скрипя и шатаясь, еще выдерживали своих гостей и хозяев. За столом, выдавшим и лучшие времена, не обращая внимания на присутствующую грубую возню, надежно обосновался дежурный следователь, инспектируя каждого вновь прибывшего, попавшегося и зазевавшегося нарушителя порядка.

– Брр... холодно-то как, даже в бушлате неуютно в такую погоду! – ворчал Василий, пряча руки в карман.

– Вась, это тебе холодно? А как наш «герой» в одних трусах справлялся?

– Бросай сигарету, пойдем. Надо что-то с ним делать. Из больницы он сбежал, придурок... Ты видел его гипс? – не унимался Василий.

– Ага! Там, похоже, открытый перелом, а, иначе, откуда столько крови? От того места, где мы его нашли, до больницы – метров пятьсот, не меньше, и он с такой ногой их прошел, сумасшедший!

Оба, отплевываясь от надоевшего холода, от бесконечных служебных загадок и впечатлений, вошли в холл, прилаживая, плотнее, старенькую дверь с износившимся дерматином.

Сергея определили в отдельный «люкс» за решеткой, под замком, закрытым снаружи. Накрыли его шерстяным армейским одеялом и оставили одного до «выяснения обстоятельств». Он лежал на голых досках, внимательно разглядывая беленый потолок. Темно-синие стены источали дурманящий запах недавно нанесенной масляной краски. Лампочка, без пла-

фона, ярко освещавшая незатейливую пустоту помещения, совсем не беспокоила. Он был погружен в свое, гнусное бытие, ненавидя себя и окружающих... Безысходность, обступившая его со всех сторон, сжала в кольцо, обрисовав скудное пространство, все, чем он жил – рухнуло, но появилась в его жизни она, эта женщина, его Анжелика. Ненависть к ней вычурно переплеталась с любовью! Но любовь эта – страшная, похожая на смерть! Не сбежать, не игнорировать ее он не мог! Будто кто-то, более сильный, вершил его судьбу, не предоставив выбора. «Капкан... Я попал в капкан», – содрогаясь, думал Сергей. Его сердце бешено колотилось от одной мысли, которая пулей пронзила все его сознание, заглушив чудовищную боль в ноге, заставила более не думать о физической боли, застряв в сердце подлым и гнусным червем – привычкой думать «дурно» о людях и «судить», каждого.

Привычкой, которая была не приобретена, а рожденная вместе с ним! Четкое самоощущение, знание самого себя, задавало тон любому внешнему проявлению его натуры: «Все – убогое „ничто“ по сравнению с ним! И только так!»

«Зачем я нужен ей, успешной и невероятно красивой? – думал он, морщась от ноющей нарастающей боли. – Казанова! Для меня женщины – мусор, грязь из-под ногтей. Выковыривая, каждый раз, очередную щепку, попавшую под вечный и неизменный маникюр, я, не утруждая себя укором, смывал их струей! Струей своего самодовольства и неизменного покоя...

...Профукал бизнес, идиот! Потому что связался с ней, с Анжеликой... ведь было все хорошо, с Викой, для него, прибывшего из глубинки. Бизнес процветал для обоих. Вика, конечно, дура! Ну и что? Ее физиономия, имеющая явное сходство с образом «выючного животного», меня особо не смущала. Деньги, которыми щедро «вскармливал» наш бизнес ее папаша из Киева, возводил ее в ранг желанной женщины. Я ведь старался... и финансист я не плохой, да и в Ульяновске «сохнуть» больше не хотелось, с моим-то прошлым, убьют ведь, если вернусь, не резон мне возвращаться. А Москва – не Ульяновск...

...Эта дура, Вика, все замуж за себя звала, обижалась, – продолжал размышлять он. Ну, какой из меня муж? Я с двадцати лет знал, что не смогу иметь детей! Притом, что дети, ни когда не входили в перечень моих интересов...

...Приехал Москву завоевывать... – на то и напоролся...»

Глава 2

– Ненавижу Москву! – громко крикнула Вика, то ли в шутку, то ли в серьез, добавив к фразе пару слов из ненормативной лексики. Она с грохотом поставила в угол металлическое ведро с грязной водой, бросила от себя швабру с дырявой тряпкой и разместилась на еще влажных ступеньках, старательно разыскивая в складках своей юбки карман, в котором непременно должны были отыскаться и сигареты и зажигалка. Мрак плохо освещенного подъезда старого дома на Ленинском проспекте, окутал ее, делая едва заметной. Длинная юбка с пропитанным грязной водой подолом – раздражала, и была спасением, одновременно. Серая, с диагональными полосками – она надежно скрывала и рваные колготки, и все остальные омерзительные подробности ее внешнего облика.

Оставив дымящуюся сигарету во рту, Вика наклонилась и поправила мокрый подол, мысленно утешая себя тем, что все, что маскировала юбка – не так уж волновало ее на самом деле.

– Подумаешь, дыры на колготках – да кто ж их видит-то! Ну, нет у меня денег на обновы разные! Такие, вот, утепленные – дорого стоят, – громко заявила Вика, обращаясь к недокуренной сигарете. Взяв ее грязными пальцами, она с удовольствием вдохнула в себя сигаретный дым, отдыхала, зная, что подъезд – вымыт, работа – сделана.

Сидя на ступенях лицом к выходу, Вика разглядывала свои грубо и очень коротко остриженные ногти, в которые намертво въелась подъездная грязь. Иссушенная плохим питанием, неухоженная женщина, лет тридцати пяти, с выбившейся прядью волос неопределенного цвета, явно претендующим на «блонд», с апельсинового цвета полосами – результат самостоятельного неумелого окрашивания, в общем-то, была довольна собой. Она курила и отдыхала, как умела на ступеньках дома, в котором недавно стала хозяйкой трехкомнатной квартиры. «Загнав» бесконечными пьянками мужа – москвича. Она успела, при его жизни настоять на своей прописке к нему, бездетному и заблудшему от житейской неустроенности, горькому алкашу.

Покорение Москвы шло по ее мнению довольно успешно. Вика на текущий момент полна планов по дальнейшему улучшению своей жизни. Готова была ждать и терпеть сколько угодно. Делать она ни чего не умела, кроме того как морочить голову наивному бедолаге, слезно рассказывая о своей абсолютной немощи и безудержной тоске по домашнему очагу, в котором она и только она должна быть хозяйкой и сама устанавливать правила. Вика сдавала приезжим собственную квартиру и, как опытная москвичка, по ее мнению, не утруждала себя поисками «достойной» работы. Сама при этом, снимала комнату в этом же подъезде, но ниже этажом и спокойно изображала трудовое рвение на весьма сомнительном поприще уборщицы, здесь же.

– Здорово все у меня сложилось, а главное, даже на улицу выходить не надо. И дом и работа – в одном месте, – бормотала она себе под нос. Самодовольство Вики тесно и гармонично переплеталось с ее самолюбованием и курением.

– Почему вы курите здесь? Виктория вздрогнула от громкого оклика в свой адрес со стороны спускавшегося по лестнице соседа. Он внезапно прервал ход ее мыслей и нарушил своим присутствием ее одиночество. Вика была этим крайне недовольна.

– А тебе чего? Иди, куда идешь! – закричала в ответ она. – Я, между прочим, здесь живу и имею полное право посидеть здесь спокойно, без всех вас!

Спускающийся, видимо, не испытывал особого желания портить себе настроение, продолжая этот разговор с соседкой, понимая полную бесполезность нравоучений в ее адрес и заранее угадывая, что время потраченное на это занятие будет потеряно зря. Ее неопрятный вид – усиливал желание поскорее выйти из этого душного места.

Эту сцену наблюдал вошедший мужчина. Не решаясь нарушить диалог присутствующих, молчаливо ждал, очищая от весенней грязи свою обувь о ершистый коврик. Понимая – кто перед ним, мужчина попытался не быть равнодушным к труду этой скромной женщины.

– Вы не подскажете, на каком этаже сорок пятая квартира? – спросил он, отстраненно думая при этом о завтрашнем дне.

– А зачем вам? – продолжая разглядывать свои руки, произнесла Вика.

– Дело в том, что я снял в сорок пятой квартире комнату и час назад от ее владельца получил ключи.

– Ну и денек сегодня, – недовольно отворачиваясь от мужчины, произнесла Вика.

– Простите, о чем вы? – поинтересовался он.

– Да! Я – знаю на каком она этаже – на третьем, потому что я живу в этой квартире и то же снимаю в ней одну комнату.

Мужчина слегка смутился, но потом вспомнил, что комната, которую он снял, была одной из трех, но не предполагал, что одна из них уже занята проживанием этой забавной дамой.

– Пойдем, я уже закончила уборку подъезда! – резко и настойчиво позвала за собой Вика. – Надеюсь, что вместе нам не будет скучно. Она улыбнулась очень открытой улыбкой, выставляя напоказ бледные десны и очень широкие и длинные зубы, с трудом прикрываемые пухлыми губами.

Мужчина шел впереди. Высокий, лет сорока, статный, с безупречной фигурой, длинными стройными ногами. Джинсы и короткая кожаная куртка, эффектно подчеркивали его внешность. «Какой у него зад...», – думала Вика, встревоженная, идущая позади него. А если меня отмыть и надеть новые чулки, да с волосами что-то сделать толковое? Да... срочно надо раскошелиться на косметику и белье, вот это мужик!» – продолжала размышлять она, замедляя ход, таким образом, наслаждаясь моментом. Виктория вдруг вспомнила, что она женщина. Вождение подбросило ее туда, где мерещится для всех желающих седьмое небо! Туда, где она ни разу не была! Туда, где облака с запахом дорогого одеколона! Где на нее с взаимным интересом смотрят большие зеленые глаза мужчины, такого опрятного и серьезного! Его глаза! «Не похож на алкаша, – подумала Вика, открывая дверь, – не то, что мой бывший, оборванец...».

Пропуская вперед мужчину, Вика закрыла глаза, не в силах даже голову повернуть в его сторону. «Да Боже упаси, выдать себя!» – с испугом, подумала она.

– Там, чайник на плите! В морозилке – пельмени! Если ты голоден, ставь на огонь воду. Кастрюли – в шкафу! Я – в ванную! – скороговоркой, громко отчеканила Вика.

– Хорошо! Я – разберусь! – пообещал мужчина, улыбаясь.

Вика, стесняясь своего заброшенного и неухоженного вида – исчезла в просторной ванной комнате, прихватив с собой косметичку и, торопливо, закрыла дверь на щеколду.

Мужчина оглядел пытливым взглядом незамысловатую кухню – простенькую, но приятную, пытаясь, теперь уже, связать ее убранство с присутствием этой женщины. «Похоже, она редко посещает это место, подумал он, ее грязные руки...» Он достал с полки две чашки с темным чайным налетом и две тарелки с приборами. Несказанно обрадовавшись тому, что нашел соду – решительно почистил и то, и другое, и третье, явно не доверяя чистоплотности хозяйки, наспех вытер клеенку и сел за стол, в ожидании ее прихода, думая о том, что теперь ему придется считаться с этой женщиной, захотел бы он этого или нет. В кастрюле закипала вода для пельменей. Сквозь пыльное окно пытался пробиться солнечный свет, подчеркивая в кухне те места, которые срочно надлежало вычистить и вымыть. Более чем скромные обои – кудрявились, демонстрируя все потертости и подтеки. Мойка, от давности глубокой, стала рыжей, забывшая о белизне и глянце. Смеситель стал почти незаметен на сером фоне обоев. Старенький кафель на полу «звенел» под ногами, а занавески требовали немедленного внимания к себе по случаю чрезвычайной загрязненности.

Виктория вышла из ванной комнаты в стареньком розовом халате. Румяная и посвежевшая. Еще раз, оглядев свое отражение в зеркале и, довольная своим внешним видом – отправилась в кухню – за своей «мечтой».

– Сергей! Меня зовут Сергей Кручинин! Мужчина дружелюбно улыбнулся, появившейся в дверях Виктории. Его симпатичное и симметричное лицо с ямочкой на подбородке, большие, не то зеленые, не то желтые глаза в обрамлении густых темных ресниц – сразили ее. Там, в полу мраке подъезда, она не успела толком разглядеть его лицо, коротко и модельно подстриженные волосы. Вика не решалась войти, наблюдая за его большими красивыми руками. «Идеально! В нем все – идеально!» – думала она с восхищением.

– Прошу к столу! Пельмени – готовы! – радушно пригласил он Вику, встав из-за стола и помогая ей. Она вдруг почувствовала острый укол стыда за давно не мытую кухню, за юбку, которую он уже видел. «А руки? Ее – руки! Если я наслаждалась запахом чистоты и хорошего одеколona, то чем наслаждался он, проходя мимо меня... близко... у входной двери?» Эти мысли бросили ее в жар, сделали немой и неуклюжей.

– Виктория я, – произнесла она неуверенно, присаживаясь к столу, опустив глаза. Радуюсь тому, что они промытые и слегка «сдобренные» косметикой, и совсем уже не важно, что дешевой... «Ни кто ведь не знает об этом...».

Сергей смотрел на нее, освещенную, апрельским солнцем и улыбался. – А вы – симпатичная...

– Спасибо, пробормотала Вика, не глядя в сторону Сергея, старательно охотясь вилкой за непослушными пельменями. Через пару минут она подняла глаза и посмотрела на него, как ей казалось – мило, не много по – детски, с долей благодарности...

– Вы давно в Москве? – спросил он, охотно опустошая тарелку. – Наверное, вы такой же «гастарбайтер», как и я, – засмеялся он, явно довольный своим остроумием.

– Была, когда – то, – с улыбкой ответила Вика. – Я из Киева. Сбежала от родителей в Москву, надоела их опека.

– Вот как?

– Ага..., я всегда хотела жить в Москве. Потом встретила парня, москвича и вышла за него замуж. Вскоре он умер. Моя квартира прямо над нами. Вика пальцем указала на потолок и довольно засмеялась. – Я ее сдаю и работаю уборщицей, ну вы видели уже, денег мне не хватает.

Сергей в этот момент подумал, глядя на нее: «Не много косметики, изменить прическу и цвет волос, и..., шальная мысль о прописке в Москве и о своих шансах покорить эту женщину, утвердила его в своей безупречности. Чувствуя, что он произвел на Вику нужное впечатление – успокоился и отпустил ситуацию в ее руки, наблюдая за ее волнением и предвкушая свои дивиденды...»

– А ты откуда приехал? – проявила интерес Вика, продолжая при этом, собирать в охапку все его плюсы.

– Из Ульяновска я, мотаюсь туда-сюда, надоело! Не терплю неопределенность! Хочу открыть в Москве бизнес и обосноваться серьезно.

– Покорить, значит, решил, – понимающе взглянула на него Вика, как знающий и опытный собеседник. – Хочешь выпить? У меня есть коньяк, армянский, не плохой!

– Ну, давай, доставай! Я вот думаю, как мы с тобой похожи..., – отвлеченно, глядя в сторону наполняющейся посудой мойку, произнес Сергей, переключая свое внимание уже не на диалог, а на собственные мысли. «Ей уже удалось сделать то, на что я ни как не могу решиться... молодец, девчонка...»

Коньяк появился на столе очень вовремя. Сергей продолжал успешно очаровывать эту простушку, которая, демонстрируя ему свой красивый румянец, пылко рассказывала про все достоинства этой квартиры, обещая показать ему свою, которая выше этажом. Они медленно

опустошали бутылку с коньяком и так же, не спеша, шаг за шагом, изучали друг друга. Неуловимое общее объединяло этих двоих, все дальше уводя за собой туда, где мечты и задумки каждого в отдельности, может быть, осуществляться, сойдутся в одной точке, в которой каждый решит только ему известные проблемы и цели.

Пристроив на небольшом диване свое расслабленное тело, Вика молчала, перебирая в голове пазлы головоломки с именем Сергей. Коньяк «вложил» в ее жесты пластику и «придал» ее взгляду томность и загадочность... Вика нравилась себе сейчас, награждая сама себя мысленно, вполне заслуженными комплементами, замечая, что нравится ему... Отец вдруг вспомнился ей, его условие, которое толкнуло ее на «выживание» в Москве, без его поддержки. Зная ее покойного мужа – алкоголика, он перестал выделять ей деньги, обещая при этом, что позволит ей пользоваться его накоплениями в случае, если рядом с ней увидит «достойного» мужчину. Вика щелкнула звонко пальцами и спешно, поднявшись с дивана, покинула свою комнату. «Надо не забыть завтра вылизать все углы», – направляясь в кухню, подумала она.

Сергей все так же сидел за кухонным столом и курил. Он не спешил покидать это место, размышляя о случайностях в его судьбе и закономерностях. Он, молча, взглянул на появившуюся в дверях Вику, томно раскачивающуюся в такт звучащей не громко музыки из висевшего на стене радиоприемника. Встал, подошел к ней и резкими движениями увлек ее в глубину и темноту своей комнаты. «Ты ведь этого ждала», – подумал он...

...Утро разбудило Вику прохладой, проникающей в комнату через открытую форточку. Поднявшись на локтях, она огляделась. «Надо же, так вот какая тут обстановка! Лучше, чем у меня!» Она зевнула и улеглась, натянув на себя одеяло, с наслаждением погрузилась в легкую дрему, вспоминая неожиданное ночное продолжение вчерашнего знакомства, ничуть не осуждая себя за поспешность и излишнюю доверчивость.

Через минут пять такого вот блаженства, Вика открыла глаза и увидела на подушке, рядом, лист бумаги, аккуратно сложенный вчетверо. Любопытство и сладостное предвкушение продолжения, растворило в себе остатки сна. Она дотянулась до листка и медленно его развернула. Выпали деньги. Вика – улыбнулась и поднялась и, усевшись удобнее среди подушек, начала читать содержимое записки, при этом смакуя приятное ощущение от наличия денег: «Доброе утро! Это тебе, подарок! Пообещай потратить эти деньги на маникюр, прическу и одежду. Не забудь про белье, очень тебя прошу! Сергей!» – Нет, сначала уборка! – вскрикнула, возбужденная такой удачей, Вика. Потом все остальное. Я – успею! А что подъезд? Да ну его, ко всем чертям! Подумаешь, один день постоит без уборки... ух, надоело...

Три часа Вика потратила на уборку. Все пространство, ставшее теперь общим – сияло чистотой. Через тщательно вымытые окна, стал виден «белый свет». Виктория, открыв все окна, впервые с радостью вдохнула запах города. Ее радовало все вокруг. Сложила аккуратно вещи Сергея и, окинув взыскательным взглядом комнаты, осталась довольна собой и результатами своего труда. Накинув куртку, она еще раз взглянула на себя в зеркало, замечая перемены... «Как же важно для женщины хорошее настроение, присутствие желанного мужчины...», – подумала она, закрывая дверь. – Я – влюбилась! К черту все мои правила про пользу и вред общения с мужчинами!» Ее ждал волнующий запах парикмахерской, обновы. Она сможет, наконец, купить себе то, что понравится ему и только ему.

После окрашивания волос, Вика стала рыжей, на руках сиял лак с блестками. Одежду она решила покупать на рынке, уверенная в том, что так будет дешевле и сэкономить удастся. Она бродила по городу, обновленная и счастливая, с радостью обращая внимание на людей, голубей и бродячих собак. В сумке красовался новый зонтик с милой пестрой окраской. Она теперь не стыдилась себя, а чувствовала, что одна из них, проходящих мимо. «Какое блаженство ждать мужчину. Ждать с радостью...», – думала она, в очередной раз, дотрагиваясь до нового зонта, призывно торчащего из сумки, аккуратно обходя весенние лужи с талой водой, любу-

ясь новыми сапожками. Денег, которые остались, вполне хватит на приобретение продуктов к ужину. Оглядевшись по сторонам, она уверенно взошла на крыльцо не большого продовольственного магазина.

Эта, казалось, случайная встреча мужчины и женщины при странных и весьма сомнительных обстоятельствах стала, как обычно бывает, судьбоносной для обоих. Ибо каждый из них стал и «охотником» и «добычей» друг для друга – типичным примером весьма банального поведения двух, приехавших в Москву, искателей приключений.

Теперь, обязательно, нужен был кто-то третий, ибо схема воплощения идей и целей двух покорителей Москвы, предполагала присутствие того, чье имя и репутация станут надежной опорой. Размышляя об этом очень напряженно, Сергей пытался взвесить каждую мелочь, проверить каждый пункт своего плана, в подробности которого он вынужден был посвятить Вику. Она же, за непродолжительное время, в порыве своей пылкой страсти, так же посвятила Сергея в свои отношения с отцом и, гарантировала, ссылаясь на честное слово, что обеспечит поступление нужной суммы для открытия их совместного бизнеса.

— — — — —

Москва – красавица, с приходом весны расцветала изо дня – в день! Каждым двориком, каждой аллеей у пруда. Нашим героям красоты меняющегося вокруг мира были не интересны. Глядя на благополучие и устроенность москвичей, они, тайно, испытывали только одно – зависть, густо приправленную ощущением своего несоответствия среде, к которой они оба так безудержно стремились. Но, чем больше им что-либо удавалось, тем шире становилась пропасть, а комплекс неполноценности, переплетенный с завистью, приобретал степень бесконечности...

— — — — —

...Трава перекасти – поле, не имеет корней, но имеет волю к постоянному передвижению, ибо такой характер у этой травы – вечно не довольный местом и окружением...

— — — — —

Сергей закурил. Его нетерпение выдавало каждое движение. Он ждал Вику во дворе дома. Ее медлительность и неспособность ценить время – раздражала его все больше и больше.

– Ну, наконец-то, – буркнул он, оглядев ее недовольно, – не могла надеть что-либо более приличное?

Вика, рассчитывая на иной комплемент, расстроилась и молча села в такси, которое ожидало ее появления, больше намеченного срока.

– Куда ты меня везешь? – разглядывая затылок Сергея, спросила Вика.

– Помнишь, я тебе про Славика рассказывал? Это мой давний приятель. Хочу тебя с ним познакомить. Сергей сбавил обороты своего недовольства. Ссориться с Викой, опасно и он об этом старался не забывать, хотя его эгоистичная натура со склонностью к истерикам, не терпела ни кого. Либо терпела – не долго. Скрывать свой истинный характер каждый раз все было труднее.

– Ваша девушка грустит, заметил водитель такси, широко улыбаясь, демонстрируя на желтых и прокуренных зубах две золотые коронки. Солнце, освещающее его фигуру слева, подчеркнуло рыхлый и пористый профиль закопченного дорогами добряка.

– Ну да, – ответил, улыбаясь в ответ, Сергей, – хотите фокус?

– Серьезно? Водитель такси от неожиданного предложения сдвинул на затылок кепку.

– Вполне! – ответил Сергей, доставая из маленькой барсетки бумажник. – Оля-ля! И в его руке невесомо и заманчиво затрепетали две стодолларовые купюры. – Это тебе, дорогая! В знак моего глубочайшего раскаяния!

Виктория, не могла скрыть от мужчин радость. Забыв о своей обиде, она выхватила грациозно, предложенный ей приз за терпение и переключила свое внимание на нахлынувшее желание немедленно потратить эти деньги и не важно, на что.

– Ну, ты мастер разговаривать с девушками, – солидарно, с полным пониманием происходящего, произнес таксист.

– Наблюдать за этой девушкой – истинное удовольствие! – громко засмеялся Сергей, не имея ни малейшего желания скрывать свою иронию. Их двусмысленные словесные хитро-сплетения остались незамеченными для Вики. Все ее мысли уже витали по лабиринтам вещевого рынка, в предвкушении новых покупок.

Такси остановилось на Олимпийском проспекте, раньше намеченного пункта прибытия. Отдав водителю нужную сумму за поездку, Сергей кивком головы пригласил Вику выйти из машины. Купив в ближайшем ларьке банку пива, он огляделся по сторонам.

– Ни как не могу запомнить название его магазина тканей, – сам себя упрекнул Сергей, продолжив движение в сторону жилых домов.

– Что ты сказал? – неохотно отозвалась Вика, пытаясь догнать его на своих шпильках.

– Входи, – произнес Сергей, остановившись у входной двери, ведущей в нужный ему магазин. Запах еле уловимой затхлости остановил его. – Видимо сырость вся из подвала, надо будет заглянуть и проверить его состояние, касаясь стен, произнес он.

Магазин, выдавший виды разных эпох. Некогда любимый покупателями, с модным ассортиментом, утратил ныне свою популярность и прозябал в забвении. Его хозяин, Вячеслав, давно не проявлял рвения что-либо изменить в сложившейся ситуации. Его вполне устраивал не большой доход и отсутствие суеты. Возраст свой, пятьдесят лет, Вячеслав считал не приличным засорять тревогами о хлебе насущном, но был бы не против развития и изменений, но чужими руками и чужой головой.

– О, Сергей! Рад тебя снова увидеть! Ждал и, при этом, кое-что набросал. – Ты познакомишь меня с дамой? Произнес он галантно, улыбаясь, разглядывая Вику с нескрываемым интересом.

– Виктория, мой будущий партнер, и твой, надеюсь то же, – не уступая ему в галантности, ответил Сергей.

– Вот как?! Тогда заходите. Буду рад продолжить знакомство, – разглядывая Вику, с легким удивлением произнес Вячеслав.

Офис занимал отдельное помещение, состоящее из трех, разных по площади комнат. От магазина его отделял пролет подъезда. Для Сергея привлекательность этого помещения в сочетании с площадями магазина заключалась в том, что Вячеславу удавалось на протяжении длительного времени удерживать крайне не высокую арендную плату за все площади, используя свои перспективные связи на уровне Мэрии. А так же, по его мнению, магазин был расположен хоть и в жилом доме, но в нужном, для торговли, месте. Предложение Сергея во время предыдущей встречи воодушевило Вячеслава. Он не возражал против изменения видов деятельности своей фирмы, а открытие совместными усилиями бутика по продаже элитного алкоголя было весьма заманчивым делом. Окончательно убедили доводы Сергея о его достижениях, финансовых возможностях Викиного отца и своих способностях, как грамотного и опытного финансиста и бухгалтера.

Ситуация показалась всем еще более привлекательной после поездки в Киев Вики и Сергея для знакомства с ее отцом, бывшим партийным чиновником не последней гильдии, две недели назад.

Пока мужчины обсуждали детали будущего бизнеса и составляли пошаговую схему, Вика бродила по всем закоулкам магазина. Вернулась – не скоро, прихватив с собой увесистую стопку лоскутов из образцов мебельных тканей, любезно подаренных ей за ненадобностью сотрудником магазина. Викина страсть накрывать и застилать любую поверхность в своей квар-

тире получила одобрение, в виде такого щедрого гостинца. Она застала только заключительную часть беседы двух симпатичных ей мужчин, одухотворенных идеями; когда Вячеслав сетовал на убыточность своего бизнеса и его бесперспективность. Ударив по рукам – все разошлись по своим делам, а точнее, не по своим теперь уже, а в направлении решений текущих новых задач, обозначенных отдельно для каждого. Все нюансы были оговорены так же с главным бухгалтером Вячеслава. Следующая встреча назначена в юридической конторе в Большом каретном переулке.

– Тебе надо слетать в Киев, к отцу, – предложил Сергей, обращаясь к Вике. Та, в ответ, закивала, молча, выразив, таким образом, свою полную готовность выполнять все его указания. Ее улыбка и поведение вселяли в Сергея уверенность, а еще большую уверенность вселяла в него ее алчность. Для этого он приложил максимум усилий. Не жалел времени для бесконечных повторных разъяснений в деталях, рисуя на бумаге схемы – дабы не лишать ее возможности пересматривать все и перечитывать. Чем скорее она все поймет, тем адекватнее будет вести себя – без лишних слов и эмоций сможет изложить весь материал своему отцу. Сергей верил, что это шанс для него – то, о чем он мечтал. «Они все равно без меня не смогут справиться, – размышлял Сергей, – главбух Славика – погрязла в старых схемах на двух-трех проводках и в ассортименте элитного алкоголя ни кто из них совершенно не разбирается».

Впервые, за последнее время, Сергей курил с удовольствием. Впервые он оказался так близко к своей заветной цели. Порядочность Вячеслава за многие годы их приятельских отношений, поддерживала уверенность в успехе. Этот добродушный и милый человек – коренной москвич, без особых амбиций и с известным менталитетом. Сергей понимал, что два таких сомнительных искателя приключений, как он и Вика, были «закрытой темой» для него. Вячеслав мало понимал суть и риски при взаимодействии с «такими», как они. «Главное „прокол“ быть не должно. И необходим полный контроль над Викиными движениями», – это были его мысли, а вынужденное одиночество в этом поле размышлений было его козырем перед Викой и Вячеславом. Тонкий и умный манипулятор, «серый кардинал», он знал обо всех своих достоинствах. Бывший богач и влиятельный кукловод, который в конце девяностых потерял все, что имел, даже виллу в Испании, но это его история, и только его.

Начиная свою жизнь с «чистого листа», Сергей не страшился ни чего. Шесть лет мытарств после «краха» постепенно теряли в его воспоминаниях очертания, а перспектива благополучного развития общего дела, подарила такую нужную и долгожданную энергию для дальнейшей жизни.

Совместную встречу в Большом каретном решили отложить до возвращения Вики из Киева. Прошла еще одна неделя, она не возвращалась и не звонила.

– Что могло произойти в Киеве? – произнес Вячеслав, разглядывая тяжелую стеклянную пепельницу. – Насколько предсказуемо ее поведение?

Они сидели за столиком в уютном ресторане в непосредственной близости от магазина и наслаждались простотой и вкусом украинской кухни.

– Насколько она предсказуема – нет полной уверенности, но я точно знаю, что Вика вникла в суть нашей затеи – это точно! Она «почуяла» деньги – это раз. Второе, но не менее важное, это то, что она станет скоро владелицей доли в интересном для нее бизнесе. Такое с ней – впервые. Я уверен, что она эту возможность не упустит.

Вячеслав смотрел на Сергея и вникал в то, о чем он говорил ему сейчас. Для него перспектива «вылезти» из убыточного бизнеса то же стала заманчивой. Он – бывший сотрудник министерства заготовок, отлично понимал особенности такого товара, как алкоголь. Уделив немного времени на изучение этого товара, он значительно обогатился и опытом и знаниями сведущих людей.

— — — — —

Вика обозначилась в пространстве в виде телеграммы, в которой ставила в известность Сергея о своем прилете и просила непременно ее встретить. Летит она с солидным багажом различных деликатесов домашнего приготовления, которые с заботой приготовили для них ее родственники.

Телеграмма внесла определенность в планы. Сергей позвонил в юридическую контору, и согласовал дату встречи. Наемные юристы займутся оформлением документов, предоставив «брачующимся» весь перечень услуг и нужных контактов для ускорения процедуры оформления.

Встречать Вику поехали вместе. Сблизившись достаточно, двое приятелей, все больше находили тем для разговора и вошли в ту стадию дружбы, когда у обоих возникла потребность балагурить невинно о своем прошлом, цепляя настоящее, с плавным переходом в открывающиеся двери будущего.

– О! Вы стали неразлучны? – острила Вика, бодро распределяя обязанности между мужчинами относительно сумок и чемоданов. – А у меня хорошие новости, но сначала отвезите меня домой, и позвольте накрыть стол по такому случаю.

Вячеслав впервые был приглашен к застолью в дом, где квартирантами были его будущие партнеры. Сергей, суется и нервно жестикулируя, начал рассказывать своему другу о некоторых шероховатостях во внешнем убранстве их временного пристанища, за что испытывал крайнюю неловкость. Путь домой оказался весьма утомительным. Автомобили, их бесконечная череда – раздражала. Конец мая выдался жарким и длительное пребывание в душном салоне, убивало на корню весь Викин пыл, направленный на банкетно-кухонное продолжение.

Голодная и измученная смрадом и духотой, компания – «вывалилась» из такси и вялой походкой направилась под сень прохладных и сырых стен подъезда жилого дома, волоча за собой тяжелый груз.

– Сереж, открой окно и помоги мне освободить эту сумку! – крикнула Вика, с неохотой завязывая за спиной тонкую тесьму фартука, улыбаясь открыто, демонстрируя мужчинам всю свою красоту и обаяние. Она – изменилась. В ее поведении появилась уверенность: жесты, голос – были уже с налетом командирским! А рубленные фразы с властным налетом, подчеркивали в ней некое превосходство над теми, кто сейчас был рядом с ней. Сергей с нетерпением разглядывал содержимое сумки с предвкушением вкусной трапезы.

– Ну да Бог с ней, с сумкой, позже разберемся! – переключая свое внимание на домашнюю ветчину, произнес он. – Викусь! Надо позвонить твоему отцу и поблагодарить его за столь щедрые дары. Даже неловко как-то...

Вячеслав сидел за кухонным столом, в растерянности наблюдая за Сергеем и Викторией. Его взгляд то и дело соскальзывал в сторону кулинарных изысков, разложенных на столе. Он не привык к такому буйству разнообразия и успел уже подсчитать, сколько необходимо средств и возможностей, чтобы приготовить домашние колбасы, ветчину, мед, вяленое мясо, вино, сыр домашний двух сортов. – Все – таки, Украина – благодатный край! С чудесными традициями и с особой страстью к хорошей домашней кухне. А желание «угостить»? От него точно не уйти, – продолжал вслух свои рассуждения Вячеслав.

– Даже и не мечтай сбежать, разве от такого стола бегут? – заметив его смущение, произнесла Вика. Она после второго бокала домашнего вина во всей красе выставила напоказ свою буйную натуру: – Серж, а ты чего притих, а? Вика с раздражением запустила свои пальцы в его волосы и, стянув в кулаке прядь, резко наклонила его голову назад.

– Отпусти, больно! – улыбаясь натужно, завопил Сергей.

– Не-а, не отпущу! А отпущу тогда, когда захочу! – грубо ответила Вика, разжимая пальцы, оттолкнув в сторону его голову.

Ее последняя фраза кольнула Сергея в нерв, не оставляя шанса на пересмотр условий...

Так сложилось, что Викторию уже давно не интересовали «обычные» человеческие отношения, а такое понятие, как «любовь» к мужчине на фоне остальных ее стремлений, косолапо перековывляло на другой пьедестал, сформировав не менее значимую страсть: любой контакт с мужчиной должен приносить дивиденды. И неважно, в каком выражении. Ее увлекала власть. Быть полезной для «таких», как Сергей, ей удавалось с блеском не плохой актрисы. Блеф ее игры заключался в том, что «деньги отца» она с недавних пор удерживала сама, выбирая достойного и надеясь на встречу с «подходящим» кандидатом, который займется процессом ее дальнейшего «укоренения» в Москве.

– Папка дает мне деньги, – подвела итог Вика, – но при условии, что в состав учредителей войдут только я и Славик! Я – деньгами, он – фирмой, помещением, и своими связями – такие дела! Мой дорогой! – произнесла она, подмигнув Сергею, и погладила его щеку.

Вячеслав – притих. Ибо услышанное необходимо было переосмыслить. А Сергей с холодной невозмутимостью, налил себе вина. – Какое вкусное мясо! – восхищаясь, произнес он – единственное, что смог произнести.

– А я, между прочим, еще не закончила! Хмельная Вика, паясничала и кривлялась, уверенно держа в руке «аркан». – Ты войдешь официально в долю, но на следующий год, когда накопишь денег. Будешь ради этого стараться, я – уверена! У нас, по плану, открытие трех магазинов, так ведь? Ну вот, в первый войдем мы со Славиком, а во второй войдешь ты. Заодно продемонстрируешь нам свою хваленую хватку и хватку, о которых ты так много расплылся. Надо же взглянуть на тебя, каков ты в деле!

– Изумительно! – воскликнул Вячеслав, хлопая в ладоши. Противостояние этих двоих, их игру, их цели он, конечно же, понять не мог. Его забавляло внешнее происходящее. Он даже нашел определенную логику в Викиных словах. И даже правоту.

По крайней мере, противовес был установлен и все силовые аргументы – оговорены.

– Она права! – после паузы произнес Вячеслав, понимая, что Сергей «в тему» пришел «пустой», а это неравнозначно с его участием и участием Вики. – Так, вот!

Сергей проиграл, потому что не уследил и, как всегда это бывает, не оценил объективно каждого. Его «эго» сыграло с ним в очередной раз злую комедию. «И почему наказание всегда приходит так быстро?» – он не мог и не хотел этого понять. Как и то, что его завышенная самооценка и вера в свою безупречность во всем, делали его и слепым и глухим. А главное, очень заметным и не всегда «желанным».

Он понимал, что Вика наказала его и за грубость и за то, что он разрушил ее иллюзии. И умудрился сделать это всего за месяц. Таков он. Мужчина – хамелеон. Иллюзия присутствия. Фантом. С эгоцентризмом отшельника. Холодный, уверенный, что любовь – болезнь ума – страшный недуг – ржавчина! Равнодушие – его конек. «Магия» его обаяния была замешана на сексе – грубом, неистовом, бесчувственном. Сергей свое «мастерство» возвел в культ и пытался со всем старанием, нести его «в массы».

«Те, кто рядом со мной – ничтожны! Я, один, есть ум и светоч и реальная ценность! Те, кто рядом, обязаны ценить меня! Обеспечивать мне условия и пространство!» – думал он, а Викина игра дала лишь почву для перестановки пазлов в его «картине мира» – не более того. Тема не потеряла своей привлекательности для Сергея. Он отказался от борьбы и, таким образом, «бросил кусок голодной собаке». Он рассчитывал на результат, который – при этом, позволит остаться ему «в тени».

– Ты ведь больше ни чего не можешь, моя милая, не так ли? – обратился он к Вике, глядя ей в глаза своим проникновенно – желтым взглядом «удава», томно прикрытым ресницами, веря безоговорочно в свои способности искусного соблазнителя.

Вика довольно улыбнулась ответно, с готовностью. – Какой кайф, мальчики, видеть вас здесь – таких красивых и умных, – тоном победителя произнесла Вика, пьянея все больше и больше. Какой – кайф!

– За тебя, дорогая! Сергей поднял торжественно бокал вина – темного и томного, как ночь. – За нашего инвестора! За твою находчивость и могучий ум, дорогая! Мы будем рядом, не так ли, Слав?

Вячеслав пьяно закивал, вложив в бесконечно добрую и светлую улыбку искренность и детскую наивность.

– Ты не волнуйся, дружок! Свои двадцать процентов ты будешь получать исправно, а все остальное зависит только от тебя, – шепнула ему Вика.

– Зависит от меня... все остальное...

– Да! Да! Вика – ликовала и размышляла: «Квартира, теперь вот бизнес замерещился! А этот, Господи прости, будет сексуалить как миленький и ни куда не денется!» – Ух ты, мой красавчик! И че я к тебе прилипла, к такому?

На мгновение глаза их встретились, будто в поединке.

– Ты ценишь мои достоинства? – ехидно спросил Сергей

– Еще как ценю! Милый! Но руль – это мое и только мое! Имей ввиду! Тогда у нас с тобой будет тишь и гладь во всем!

Сергей еще выпил и еще раз закусил.

– Не плохо, дорогая! Во всем есть свои плюсы!

– Ну вот! И я о том же!

Оба посмотрели на Вячеслава.

– Да... спать окруженным такими яствами – это блаженство! – произнес Сергей, улыбаясь.

– Убери от него фужер и бутылку, а то ненароком повредит себе лицо! Вика, разгоряченная и обновленная, пропала из вида в темном коридоре. Сергей последовал за ней. Свет уличных фонарей едва проникал в эту часть жилого пространства. Чистый пол с пушистым ковром принял пару в свои объятия. Оба зверя, такие разные, видели друг в друге свое отражение – близкое обоим и понятное. Великолепие момента захватило обоих, поглощенных собой! Похоть и вождение кружило и метало их, поднимая на гребень обожания!

— — — — —

Садовое кольцо, зажигая свои фонари и вывески, напомнило каждому о наступлении темноты. В Москву пришел вечер, уверенно заявляя о своих правах, напоминая нам об осторожности на дорогах и темных дворах, привлекая к себе внимание красочными огнями рекламных проспектов. Превосходный бутик по продаже элитного алкоголя гармонично вписался в общий «хор» баров, ресторанов, магазинов, банков... Огромные глазницы его витрин, в безупречной своей чистоте, демонстрировали все изыски питейные в шикарном обрамлении футляров и хрустальных графинов, в которых покоились коньяки и виски известных всему миру домов. Томные оттенки убранства из дорогого дерева, уютные стеллажи, освещенные с особым мастерством, подчеркивали все красоты внешних различий и лоск каждой бутылки. Отдельная винная комната со стойкой для дегустаций под изящным абажуром, стала образчиком классического и вечно востребованного интерьера.

Грамотная схема, разработанная Сергеем, расталкивая локтями конкурентов, пробивалась вверх, где успех смешивался с покоем и тишиной, а стабильность, которую неусыпно несли на своих плечах постоянные посетители, любители, коллекционеры, и просто верные завсегда-таи, позволяла строить планы. Открытие очередного бутика, как и обещал план, должно состояться после новогодних праздников – аншлага продаж и максимальной сезонной выручки.

Каждый из друзей, почивал на своем месте: Вика – за кассой и директорствовала одновременно, когда этого требовали обстоятельства. Она, меняя ежедневно наряды, хотела быть в первом ряду. Стремилась соответствовать внешне изысканному товару. Вячеслав – удалился в свой дом в Пушкинском районе Подмосквья, заезжая раз в месяц за своей долей. А еще для встречи с Сергеем. Вальяжный тон совместных бесед, «облагородил» Вячеслава. Все ленивее он становился, осуществляя свою мечту – ни чего не делать, а деньги, между тем, должны были течь к нему в карман сами по себе. Так и вышло. Каждому досталось то, что он себе нажелал. Сергей же, в своих теневых лапах, держал все нити, ревниво оберегая каждую копейку и бутылку от несуразных Викиных вторжений. Готовился к открытию двух бутиков, тщательно формируя ассортимент и придирчиво перебирая предложения на рынке коммерческой недвижимости. Виктория притихла, как мышь, наблюдая за умелыми действиями Сергея. Училась у него, как могла.

Сергей заматерел, ощущая свою незаменимость и доказав ее на деле. Вошел во вкус. Большие суммы в кармане позволили ему вновь стать завсегдатаем салонов красоты, клубов и ресторанов. Он постепенно возвращался в то, что было доступно ему, когда то, позволяя нарушить свое одиночество шальным встречам со случайными искательницами мимолетных удовольствий. С Викой общение вошло в русло партнерства. Ну, куда они друг без друга! Бесконечные разговоры о бизнесе, об исполнительности контрагентов, об отчетности, сопровождали их совместную жизнь в ее квартире.

Все стало на круги, намеченные авантюристом – провидением. Чем резче от Вики «удалялся» Сергей, тем сильнее сжимались ее «клешни». Она захотела замуж за Сергея. Он стал для нее непостижимым идеалом, идиолом. Его способности и воля будоражили и волновали. Заставляли плестись за ним в любое время суток, «ошметком» прицепившись к его ногам. Обласканный и обеспеченный, Сергей не склонен был к благодарности. Его достоинства он все равно считал более значимыми, чем те условия, которые создала Вика для него, сбежавшего от обстоятельств, морально опустошенного безденежьем, алчущего жить на гребне всех возможных благ, которые открывались для него благодаря деньгам.

Ничтожность Вики, ее внешность и неумение выбрать и себе, и ему одежду, обувь и не только, ее менталитет «хабалки» – отталкивало его, а отсутствие эрудиции и высшего образования вызывало в нем ощущение полного мезальянса. Но за ней стояли деньги, хотя это уже не было столь актуально, как вначале. Вика, в конечном итоге поняла, что рядом с Сергеем, как с мужчиной и мужем, ни когда не получит уверенности в завтрашнем дне. Она, не понимая и не принимая его холодность, стала вынашивать план, как избавится от него.

Сергей любил тратить деньги на самого себя. Рестораны занимали все его вечера и как-то в один из таких вечеров, Вика приехала в тот же ресторан, в котором находился Сергей. Увидев его с вульгарной дамой, Вика не устояла и закатила сцену с показной обидой и слезами. Сергей грубил и не выказывал рвения успокоить ее. Он ненавидел любое проявление «женских» эмоций, особо не углубляясь при этом в их искренность и причины. А о боли и женской доле, об обязанностях он не желал ни чего слышать. Виктория прилюдно выставила его вон, пообещав, что на порог своей квартиры его больше не пустит, но бизнес она не трогала – пока.

– Ну, хорошо! – ответил ей Сергей, холодно, в своей манере, стравивая со своих кремовых брюк салат. – Я сделаю так, как ты хочешь! Нет – так нет! Он не отличался многословием. Его неспособность вести диалог с женщиной в такой ситуации, проявлялась сразу, как только она начинала напоминать ему об обязанностях и долге, а то и вовсе уходил, что было чаще, и более не возвращался! Как обычно убегая от малейших проблесков собственной совести.

Однокомнатная квартира в Чертаново, которую он снимал уже достаточно давно, встретила его чистотой и тишиной. Компьютер, сейф – в этой квартире он хранил то, о чем не знала Вика и не должна была знать.

– Какое же удовольствие приходить сюда! – произнес Сергей, имея привычку говорить сам с собой. Огромная кровать, зеркало на весь потолок. Его любимое постельное белье. Сергей понимал, что отношения с Викой были удобны для него только до определенного момента – пока она не захочет большего. – Убогая дура! Поставила меня перед выбором! И как она посмела поставить под удар его «детище»? Путаница в голове утомила его. Постоянное напряжение присутствовало ежеминутно. А как иначе? Ведь это была их игра, в деловых и перспективных. – Тяжело-то как! – произнес на выдохе Сергей, включил компьютер и направился в душ. – Вот было бы здорово, от всего этого избавиться... Струи воды смывали с него все заботы минувшего, очищая его от накипи бесконечно долгого кипения. Он устал претворяться! Плата, которую требовали от него обстоятельства, была непомерно высокой. Укутавшись в мягкий халат, Сергей открыл бутылку своего любимого виски и сел за компьютер.

Сайт знакомств – первое, что высветилось на мониторе. Не спалось. Но, на переоценку того, что произошло сегодня, у него не было сил. Открыв свою «страничку», Сергей решил развеяться. Этот иллюзорный мир – устраивал его. Ни каких обязательств, и ни каких требований к нему... Равнодушно перебирая фото представительниц прекрасной половины человечества, Сергей остановил свой взгляд на милом лице неизвестной ему девушки. Ее необычная редкая красота на мгновение всколыхнула спящую душу. «Что это со мной? Давно такого не было...», – подумал он. – Интересно, кто она?». Заглянув в анкетные данные, Сергей сразу понял, что для разгульного времяпровождения это не вариант: – Свой юридический центр, любит классическую музыку, читает, рисует... и водит машину, а в графе – семейное положение – «все сложно»... Что же это за сложности у нее? – произнес Сергей и решил выяснить, но девушка по имени Анжелика, была «не в сети».

– Тем лучше! – громко произнес он. – Надо ложиться спать! А вот завтра я точно подумаю что-либо ей писать, и тем более, выяснить! Он оставил ей короткое сообщение, что хотел бы поговорить с ней о музыке и автомобилях, выключил все освещение в комнате и упал на кровать поперек, заворачиваясь в одеяло.

Глава 3

– Анжелика Юрьевна! Посмотрите, какие розы, и все это – вам! И корзинка со сладостями, а шоколад какой – огромные плитки – гляньте! Натуральная клубника по нему рассыпью... Чудо, какое, посмотрите! Наталья – не унималась. Она каждый раз испытывала искреннюю радость от таких знаков внимания в мой адрес, от очередного претендента на руку и сердце.

Сильная головная боль кольцом сжимала голову – даже разговаривать не хотелось.

– Наташ! Оставь все это в холле! Я потом посмотрю.

– Да что же это такое, Анжелика Юрьевна! Уже почти два года я пытаюсь с вами бороться. Пытаюсь обратить ваше внимание на тех мужчин, которые, между прочим, очень даже «ничего»...Машины! Подарки...

– В том-то все и дело, что «ничего». Я равнодушно наблюдала за пылкостью своей помощницы. Ее искреннее волнение и участие – и забавляло и радовало. Но ее напор и напоминание о том, что у меня не сложилась личная жизнь – утомляли и портили настроение, ведь это была, правда... Наталья обиделась и отправилась устанавливать очередной шикарный букет, украшая, таким образом, холл нашего офиса.

Наступающая ночь, настойчиво звала и требовала переключиться, сменить обстановку – заняться чем-то приятным и волнующим. Предлагала с головой окунуться в тайны встреч и прогулок. Вот пара прошла мимо окна, двое – смеялись, кормили друг друга чем-то сладким из яркого пакетика. «Леденцы, должно быть...» – подумала я, улыбаясь проходящим мимо.

– Полночь! – пробили напольные часы, наполняя тишину бархатным ненавязчивым боем. Попугай, зажав в когтистой мощной лапе кусок яблока, разбрасывая куски – ужинал, забыв обо мне – увлеченный собой. Холл освещал яркий свет от уличного фонаря, а в огромном окне отражались блики от мерцающей вывески крупного супермаркета. Я осталась в офисе одна, отпустив на отдых шумную команду, состоящую из трех человек. «Отличные ребята! Как же долго я искала и выбирала их среди прочих – самородки мои» – вспомнила я о приятном периоде.

Всего, каких-то шесть лет назад я, сломя голову, убегала от Альберта через декретный отпуск, бросив к чертям собачьим все напускное благополучие «поднебесной» престижной нефтяной компании, устремляясь с головой, на приличной скорости, прямо в «ноль», в предельно манящее начало своего будущего. В будущее, которое будет моим, с трудностями начального этапа, с утомительной «раскруткой» и ежедневной борьбой за место под солнцем.

– И почему я ни разу не пожалела об этом? – произнесла я. Мой голос привлек внимание попугая. Он игриво склонил набок голову и издал странные гортанные звуки, видимо, выразил, таким образом, свое желание поговорить со мной.

Я направилась в свой кабинет через освещенный ночными уличными огнями холл. Уютный диван с креслами – отдыхали от дневных посетителей. От роскошных ухоженных тропических растений – расползались тени, рисуя по стенам причудливые узоры. Включив настольную лампу, я присела на край кресла – за свой стол. Завтра у меня судебный процесс. В очередной раз придется отстаивать интересы и защищать права одного незадачливого предпринимателя. Собрав документы в кейс, я достала косметичку. Изящное зеркальце показало мне то, что не выдерживало ни какой Наташкиной критики. «И разве поможет в этом случае губная помада и каблучки? – подумала я, – конечно, поможет! Еще и как! Да... два года без мужчины. И что? Некогда мне...» Захлопнув косметичку, я вызвала такси. Пора ехать домой, который с недавних пор стал напоминать «общежитие».

– Ну что? Лошадь ты, двухильная! Бизнес твой – в порядке – куча дел, постоянная клиентура, студенты на производственной практике, связи. Жаловаться – грех!

«Приятная самодостаточность – мой верный спутник. Иначе и быть не может. Ведь я, на свое усмотрение, нашла и сформировала то, что мне нужно. Юридическое... Экономическое. Это именно тот стержень, который позволял устойчиво идти и развиваться дальше, накапливая бесценный опыт» – размышляла я, присаживаясь на заднее сидение такси. Приятно заурчал двигатель старенького «Мерседеса», спокойная музыка – все это было отличным дополнением к моему настроению.

– И когда вы машину себе купите? Не надоело вам кормить таксистов? – поинтересовался водитель – уже знакомый, как и многие другие в его службе.

– Столько забот, что к ночи – только одна потребность возникает: кто-то, а не я, должен быть за рулем. Отвыкла я. Работал у меня водитель и я, видимо, привыкла к его присутствию.

– А сейчас он где?

– Уволила, три месяца назад – так сложилось. Теперь хочу ездить на такси! Каприз, если хотите. Натура у меня – женская – то одна вожжа, то – другая! – ответила я, смеясь.

Таксист – шутил, рассказывал о себе. За приоткрытым окном, мелькал лес, дома с темными глазницами окон. Хотелось задремать прямо здесь – в пути, не думая больше ни о чем...

...Тяжелая дубовая дверь впустила меня в квартиру. Приглушенный и легкий свет в прихожей – был утешением для усталых глаз. Легкий палантин медленно соскользнул с моих плеч и накрыл собой наспех снятые туфли. Как тень – легко, почти невесомо – шла я из комнаты в комнату. Мальчишки – спали. Надюшка, моя старшая дочь, читала справочник, лежа в своей постели, и, в полумраке комнаты, выглядела старше. Она аккуратно и медленно положила книгу поверх одеяла и подняла на меня свои большие лучистые глаза. Нежная улыбка на пухлых губах. Волосы пшеничными прядями по подушке...

– Мамуль, что так поздно? – произнесла она и нежно обняла меня. – Я ждала тебя. Мне надо сказать тебе кое – что.

– Что, милая? – я встревожилась и взяла ее руки в свои.

– Сашка зовет меня замуж, а я считаю, что – рано. Хочу пожить с ним, не много. Узнать его, лучше.

Я устало закрыла глаза и прижалась к своему, такому уже взрослому ребенку. Трудно было говорить. Моя девочка... ведь ей еще только восемнадцать... Сашке ее двадцать три...

– Мам, я очень его люблю, а он – меня! Я перееду к нему. Ты – не возражаешь?

Тупой обух новостей, прозвучавших почти шепотом – оглушил, оставив печать удушающей тревоги. Возврата – не будет. Моя дочь хочет уйти. И я видела это. Ненавистный семейный разлад – не по силам ей... уводил ее безвозвратно от меня – в неизвестность взрослой жизни – ее жизни.

– Мам, я не хочу здесь больше жить. Не хотела тебе говорить. Мне кажется, что будет правильно, если я буду говорить то, о чем думаю. Ты ведь сама меня учила этому! – она поцеловала меня и прижалась своей щекой к моей. – Я уйду, а ты в этой комнате сможешь отдохнуть и быть одна, когда захочешь.

Ее жертвенность – сбивала меня с ног и подстегивала ее к поступкам – к новому опыту – без моей опеки.

– Мам, наша квартира уже почти два года похожа на общежитие. Мы живем как соседи. Твой муж за это время стал только дальше для тебя. Ему ведь все равно, так ведь? Я бы на твоём месте – убила обоих! Почему у тебя такая сестра? И о чем он думал, тогда? Явно не о тебе! Прости меня, пожалуйста...

Я поцеловала свою дочь, поправила одеяло, подушку – как в детстве и, ни чего не ответив ей, направилась к своей постели. Приняв горизонтальное положение, я ощутила блажен-

ство. Глубокий сон настиг меня, как ловчий и увлек за собой – в темноту и беззвучие. Марево сна захватило мое сознание, трудно было понять, где я блуждала, может среди мыслей своих, как среди деревьев, в промытом летним дождем, лесу. Окольцованная... Венчанная... Я, каждым своим вздохом, легкими шагами гейши, уходила, как в анабиоз, в расставание с прежней жизнью. Мои крылья – такие сильные и, между тем – сотканые из нежнейшего пуха, в канве из шелковых нитей – тлели медленно, источая удушливый смрад от горечи и потерянного счастья... Мое счастье, пригрезившееся мне, когда-то – возвысило! Ведь я училась любить! Любить – любящего меня!

Оказывается, у счастья есть своя музыка! Видимо она была слишком хороша, что даже разбудила, оглушила кого-то, в глубинах черной бездны, коварно готовившего свое представление – Морока циничного, который постепенно овладевал драгоценным – всем, что было у меня! Завидуя и корчась от вожделения присвоить и обглодать, как мосол! А затем выкинуть на свалку меня и мою семью, наслаждаясь результатом и пустотой, восседая на руинах, перерезав все пути к восстановлению...

Дождливому утру, не смотря на все его старания, не удалось испортить мне настроение. Удачно проведя судебный процесс, распрошавшись с одноразовым пропуском для входа в суд, я вышла на широкое крыльцо – щедро омытое косыми струями проливного дождя. Проспект Сахарова переливался солнечными бликами промытых дождем окон. Свежесть ударила в лицо! Москва – умытая красавица, в такт моему хорошему настроению, вместе со мной, утонула в радуге, наслаждаясь утром, свежим ветром и блеском застывших капель на мчащихся мимо автомобилях, любовалась своим отражением в прозрачных лужах...

«Какое красивое начало у сегодняшнего дня, и какое удачное, – подумала я, „вальсируя“ неторопливо по направлению к Ярославскому вокзалу. – Хочу проехать на электричке! Смеяться с бесконечной толпой спешащих людей! Раствориться и исчезнуть с потоком свежего ветра! У такого утра обязательно должно быть такое же счастливое продолжение», – верила я, с головой ныряя в зеленый вагон электрички, которая через пять минут, стремительно увлекла меня за собой, рассекая пространство мелодичным гудком.

Слегка промокшая, я вошла в свой офис, прихватив с собой по дороге, в магазинчике на привокзальной площади, несколько тульских пряников. Я точно знала, что меня ждут сотрудники и, разделяя мой успех в сложном процессе, с удовольствием приготовят мне зеленый чай. Продолжая представлять себе текущую ситуацию, я бесшумно – на цыпочках, пробиралась через холл в кабинет для сотрудников. Но, остановившись в дверях, оставаясь ни кем незамеченной, стала невольным свидетелем происходящего: Наталья с Сашкой, обступив со всех сторон компьютер, перебивая друг друга – обсуждали что-то, Егор – вел переписку при этом, с кем-то посторонним, учитывая то, о чем шел разговор. Не имея опыта подобного общения, я, с трудом вникая в разговор, к своему изумлению – поняла, что именно я являюсь непосредственным участником диалога – с кем-то... Я подошла ближе и обеими руками освободила пространство возле компьютера. Ребята в глухом молчании, испугавшись моего появления – отошли в сторону. Наклонившись, держа паузу и ни чего не говоря, я взглянула на монитор: моя фотография, весьма удачная, красовалась слева, а на всем остальном пространстве, не понятно для чего, были размещены мои данные, и с кем-то явно, велась переписка.

– Ага! А теперь короткими и понятными фразами объясните, почему на мониторе мое фото, и о чем это вы сейчас так оживленно говорили?

– Анжелика Юрьевна! – начал Егор с напускной важностью. – На мониторе – вы! Это сайт знакомств!

– Мы тут приняли решение внести свою лепту в устройстве вашей личной жизни! – продолжила Наталья и изобразила на лице совершенно нелепую радость.

Я не знала, что ответить от удивления и от безысходности положения, и от неспособности своей сопротивляться натиску этих трех разбойников. Села в кресло и положила свой кейс на стол.

– И что дальше? Получается? – тихо спросила я. – Мне немедленно нужен чай – вон пакет в кресле, в нем – пряники. Я долго буду ждать ответ на свой вопрос? Получается у вас или нет?

– Еще как! Наталья, окрыленная отсутствием негатива с моей стороны, убежала в комнату отдыха и нажала педаль чайника. – Егор поместил ваше фото на сайте знакомств, а я расписала все ваши достоинства, как могла, привычки, хобби. Суетясь и спешно прохаживаясь взад – вперед, организовывая чаепитие, Наталья продолжала оживленно посвящать меня в таинство, которое перестало быть таковым всего пять минут назад.

– Тут достаточно много серьезных и одиноких людей, не располагающих временем для знакомств в иной обстановке, – вмешался Сашка, поправляя очки.

– Мои дорогие! Мои наивные! Значит, жениха мне ищете? Я ведь – сбегу, потому что больше не хочу ни кого видеть рядом с собой. Хватит с меня серьезных и одиноких, – отламывая кусочек пряника, произнесла я, сохраняя совершенное равнодушие и твердость в голосе.

– Тут вот, один с утра обозначился, необычный какой-то... Нам приходится от вашего имени переписываться с ним! Сергей какой-то – москвич, – уведомил меня Сашка, разглядывая фото упомянутого Сергея и отпивая чай. – Рекомендую вам взглянуть на него, как освободитесь от работы и от нашего присутствия здесь...

Я начала хохотать и спорить. Но через минут десять напряженного спора – поняла, что шансов в схватке против трех титанов интернета у меня практически – нет. Их аргументы не были лишены смысла. К тому же, я впервые – от своих ребят, услышала о существовании сайтов знакомств и банальное любопытство, конечно же, подвело меня...

Чай был выпит, пряники – съедены. Раздав своим помощникам поручения на уровне «сбегать, отвезти, отправить почтой» – отпустила их отдыхать. Я осталась одна, наедине, со своими победами и неожиданными событиями. Монитор назойливо отображал сообщения от того самого Сергея, а его фото остановило меня, задержало ненадолго. Что я увидела в нем – не знаю, но что-то явно привлекло мое внимание. Пауза была необходима. Я совершенно растерялась – это – во-первых, а во-вторых, и, в-третьих – вся эта суeta вокруг крамольного сайта, способствовала выработке моим мозгом целой плеяды ценных, как мне казалось, выводов. Интуиция требовала незамедлительно прекратить это шутовство с привкусом какой-то незнакомой мне слащавости и лжи. Я не верила в необходимость совершать над собой усилия, присутствовать здесь, на сайте, сочинять ответы на вопросы чужого и сомнительного человека, вступать с незнакомцем в какой-либо диалог, ориентируясь на фото! Брр...

– Глупость, какая! Я встала с кресла Егора и направилась в холл, доставая пачку с сигаретами и зажигалку, думая о сегодняшнем судебном процессе. Суд всегда присваивал себе очень много энергии, ни чего не поделаешь, а мои сотрудники – вопреки моим ожиданиям, меня вовсе не ждали и о результате – не спросили. Надо же, у меня ведь команда серьезных и достаточно прагматичных ребят, а тут такое! Неужели я настолько дурно себя веду и еще дурнее выгляжу со стороны, что мне нужна опять мамка и нянька? А может лучше скорая или психоаналитик?

Хлопнула гулко входная дверь, отвлекая на себя внимание.

– Лазарева! Ирка! Моя дорогая! Рада, что навещаешь меня, заблудшую. Заходи!

Ирина – пышечка с лучистыми синими глазами, с безупречным вкусом в одежде и манерах. Моя подруга и мой личный «инспектор» в хорошем понимании.

– С тобой я чувствую себя в безопасности в любой ситуации! – произнесла я, идя к ней на встречу.

– Я твое убежище, моя дорогая! – ответила Ирина, протянув ко мне руки. Обняла меня, накрыв волной своего душевного тепла. Ее искренность и невероятная мягкость характера

неизменно удивляли меня. В ней все не соответствовало большей толике окружающего мира. Она сама по себе. Тайный наблюдатель и категорический не участник активной жизни. Ее странности – вовсе не странности, а особая форма самодостаточности. Когда она о чем-то говорит – всегда остается вопрос или намек без объяснения. Подчеркнутая строгость в одежде, мягкий тихий голос и всегда улыбка.

– Страдалица ты, моя, я к тебе с гостинцем! Организуй-ка, кипяточек!

– Что это за «Страдалица»? Что за ярлык? О чем ты?

Ирина смотрела на попугая, тщетно пытаясь реанимировать зажигалку.

– Не трудись! Возьми мою! – предложила я.

Едкий дым заполнил паузу в нашем разговоре и вызвал яростное недовольство главного офисного инспектора попугая.

– У тебя сегодня трудный день? Таким образом, утвердительно, Лазарева проявила интерес к моему настроению. Легкий, розовый, с перламутровым отливом плащ грациозно был сброшен с плеч и Ирина во всей своей подчеркнутой строгости – от глухого ворота водолазки до длинной темной юбки, как доблестный ревизор моего бытия – замерла, в ожидании ответа на свой простой вопрос. Сигарета длинная и тонкая, уместно дополняла ее напускную строгость в данный момент.

– Я выиграла процесс сегодня, а ты мне тут картинку рисуешь – в черно-серых тонах. Я улыбнулась и то же закурила. – Оставь не много места для светлого и доброго!

– Не юли! Ирина не сдавалась. – У тебя для меня новости? Ох, чую я... ты, молчишь? Ну, тогда я вправе полагать, что новость не одна!

– Ага, только сначала кофе. Я торопливо покинула подругу, явно избегая продолжения разговора. Переключилась на обсуждение ее достоинств, испытывая огромную благодарность за виноград и персики, которыми она в очередной раз решила меня побаловать.

Ирина между тем, прохаживалась по моим владениям в поисках очередной сенсации или какой-то мелочи, появившейся в интерьере, которая осталась ею незамеченной.

– Энжи! Что это? Глазам своим не верю! На меня смотрит с монитора твое фото! И что это за сайт?

– Хватит глазеть и вынюхивать, а то я тебя укушу! Кофе – готов! Я тебя жду!

– Ой, как же я напугана, вот такой изумительной перспективой – быть укушенной – тобой! Ирина уютно разместилась в кресле Егора и неотрывно изучала все гнусные подробности моей закулисной жизни, о которой я сама еще совсем недавно, не имела ни малейшего представления.

Подпирая дверной косяк и скрестив руки на груди, я наблюдала за выражением лица Ирины – не долго – всего пару минут. Она повернулась в мою сторону вместе с креслом и прерывисто звучно вздохнула, глядя на меня строго, в упор.

– Это не я, поверь! – начала оправдываться я как школьница.

– Я вижу, что это не ты! Это я, наверное, или Дух святой! Или кто-то из нас двоих явно сошел с ума! – горячилась Ирина. – Если я не ошибаюсь, то это сайт знакомств, и ты, уже достаточно успешно, окапалась в кругу себе подобных!

– Лазарева, прошу тебя! Хватит! О своем присутствии на этом сайте я узнала около часа назад.

Ирина явно была не готова к такой новости и, как истинная подруга, ревностно бросилась оберегать меня от всех и вся. В особенности от того, что могло бы причинить мне ненужное беспокойство. – Ты хочешь сказать, что все мои вопросы должны быть адресованы не тебе? Но кому? Чья это работа или шутка? Хочешь сказать, что это...

– Да, это мои ребята! Вот таким образом проявили себя, пытаясь прекратить мое одиночество! И скажу тебе, настолько довольны собой, что даже не отреагировали на мое появление в офисе. Полюбуйся! Эта переписка – их рук дело!

– Не думала, что такое может быть! Ирина снова отвернулась от меня и продолжила копиться в «грязном белье» моей наичистой репутации. – Ты обратила внимание на этого Сергея? – спросила вдруг она, прищуриваясь.

– Обратила, и что?

– Не нравится он мне. У него энергия удава или питона. Как же объяснить тебе, в общем, охотник он – за лохушками!

– Что, вот так прямо, сразу ты определила? Я сделала вид, что моя ирония перевесит с гаком любой ее довод. Изобразив на лице маску полного безразличия к разговору, я направилась в комнату отдыха, пить чай с кофе... что-нибудь пить... и совсем неважно, что и с чем. Вскоре Ирина присоединилась ко мне – молча, с искренней тревогой глядя на меня. Присела рядом. Пауза продолжалась довольно долго. Нарушить тишину в такой момент было бы крайне нелепо и даже бестактно.

У каждой из нас в эти минуты, в глубоких закоулках мозговых извилин, формировалось нечто то, что в итоге, лавиной очень убедительных доводов, обязательно должно было обрушиться и раздавить всей своей силой интеллектуальной мощи.

– Сладкий виноград, – не своим голосом произнесла я.

– Меня не было три недели! Всего три, понимаешь? Что еще произошло за это время? Ирина рулила процессом, «тонко» используя свои знания моего характера.

– Я развелась, с Борисом – по доверенности...

– Это как? Ирина не сразу смогла переключить свое внимание и снова закурила. Ее лучистые синие глаза – потемнели.

– Ты же знаешь, я с ним не жила уже почти два года, вот и все! Другой финал был просто невозможен! Сотрудник мой, Александр, вел бракоразводный процесс от моего имени. В суд меня ребята не пустили – пожалели.

– Да... ну и компания у тебя! Все – под стать тебе! Вылепила, как говорится, своими руками. И что Борис?

– Да так, не в себе он, слегка. Приезжал, извинялся очень пылко и всерьез – после развода. Подарил кольцо с шикарным огромным топазом василькового цвета. Я приняла его подарок – не знаю почему. Все равно он родной, понимаешь? Но как общаться, после того, что они сделали? Как приезжать к родителям, как общаться с сестрой? Я – не смогла...

Слезы душили – то ли гордость моя запредельная, то ли еще не уснувшее чудовищное разочарование от его поступка – я не могла в этом разобраться. Но это «что-то» перетасило меня за ту черту, которая называется «точкой не возврата». Поступок моей сестры и мужа – разрушил все то, что крепко держало, как на пьедестале – все самое дорогое, что у меня было – мою семью, отношения с родителями, с сестрой.

Ирина подошла, молча к бару. На свое усмотрение выбрала то, что считала необходимым в данной ситуации, виски – разлила по стаканам с толстым дном. – Не много, совсем не много, но тебе стоит выпить.

– Ир, у меня такое чувство, словно я похоронила всех кого любила и траур будет теперь – вечной тенью лежать, на любом моем поступке. На любом моем желании. Я не справляюсь, понимаешь? Не справляюсь...

– Ты, конечно, меня извини, но ты так и не рассказала мне о том, что и как произошло, почему ты оказалась в этом браке, с двумя детьми... про сестру и ее отношение к тебе? Ты что-то говорила о девяностых – так мало, что я даже не помню что. Может, будет лучше, если ты проорешься сейчас? И сможешь после этого дышать и начнешь строить свое личное новое будущее? Вернись к тому, что жизнь – прекрасна! Она совсем рядом, возле тебя! Даже если на твоём пути встречаются вот такие «учителя» с ворохом камней за пазухой!

Я выпила все – до самого дна. Хотя алкоголь для меня скорее предмет для коллекционирования и дегустации, но я – выпила. Голодная – я захмелела – сразу. Конечно же, стало

не много легче и веселее. Шалая, вдруг вспомнила трюк с сайтом знакомств. Хмельная беззаботность раскачивала в этот момент во мне безразличие и сарказм. – Лазарева! Если бы ты видела, как тряслись коленки у моей сестры, когда я ей задала прямой вопрос: «Хорош ли мой муж в кровати?». Ее так затрясло, как раздетого виновного – брошенного в снег в лютый мороз, облитого холодной водой. А когда я сказала, что приду к ней вместе с Борисом – валялась у меня в ногах и просила «не надо». Какая мерзость, правда?

– Тебе налить еще? – протягивая руку к бутылке, спросила Ирина.

– Давай, я не буду кокетничать! А мы ведь венчанные, Ир... Ты назвала меня сегодня страдальницей, почему? Ты ведь тогда уклонила от разъяснений.

– Я ведь ни чего не знаю о тебе, повторяю еще раз! Ты должна мне рассказать! То, что в твоей судьбе полно ухабов и канав – это мне уже понятно, иначе ты – мать троих детей – не оказалась бы на этом сомнительном во всех отношениях сайте знакомств вот таким вот, комичным, образом.

– Ирину, я как слепая! Не имея с детства ласки и любви со стороны родителей, тыркаюсь по углам и ищу того, кто согреет и даст ощущение стабильности. Видимо у меня просто жутко низкая самооценка... Я не умею защищать себя, свое – сапожник я без сапог! А может все, что было – не мое?

– Не думаю. Мы все встречаем на своем пути только то, что должно. В одной ситуации ты – учитель, в другой – ученик. Но я точно знаю одно: там, где ты – там нет места лжи и фальши. Своим появлением, ты как бы взрываешь пространство – тот мир, в малой его модели, в которыйходишь! Понимаешь?

– Ощущение одиночества все больше обрастает уверенностью в то, что одиночество – это норма для меня. Я чувствую себя чистильщиком, который обязан только служить другим, которому нет места среди обычных людей и нет доступа к их радостям, – перестав плакать, произнесла я.

– Я – понимаю! Постараюсь понять. Если ты хочешь услышать от меня хоть что-то внятное и конкретное, придется для начала – все рассказать. Она налила себе еще виски, пошла в холл и закрыла жалюзи. – У тебя завтра много дел?

– Не все предсказуемо в моей работе, ты же знаешь. Пожилая леди записалась на одиннадцать утра ко мне на прием. Она утверждает, что какие-то люди – бритые, в черном – имеют намерение отобрать у нее квартиру.

– И чем ты сможешь ей помочь?

– Да есть одна идея...

Ирина облокотилась на поручень дивана с сигаретой в зубах, пытаясь аккуратно пристроить поднос на журнальный столик. Она, настаивала на продолжении – решила пробиться, достучаться до меня окончательно, считая мою скрытность и отчужденность, вредоносной пилюлей, которой я потчевала свою душу ежеминутно и с которой необходимо бороться. Я с виски и шоколадом в руках, наблюдала за ней. Непреодолимое желание рассказать ей все – вдруг накрыло меня с головой – настолько сильное, что я даже поняла с чего начать...!

Глава 4

– Мам, зачем ты приехала? – сухо и сдержанно спросила я, совершенно не понимая причины ее приезда. Объяснения матери не накладывались на логику, а ее намерение полностью рушили мою начинающуюся жизнь. Жизнь, которую выбрала я.

Оканчивая музыкальное училище в далеком городе Забайкалья, я решила остаться здесь. А точнее, по распределению уехать, в тайгу – на реку Витим. Скоро исполнится восемнадцать и будущее было определено, мной и только мной. Я полюбила Сибирь. Чудесные люди. Веселые, открытые, простые. Куча – мала друзей и четкие перспективы поступления в Новосибирскую консерваторию.

– Я не понимаю, зачем? Ведь вам, по сути, ни когда не было до меня дела!

– Твое присутствие необходимо по новому месту службы отца. Я потом тебе все объясню. Билеты на самолет я уже взяла и с преподавателями договорилась. Сессию ты сдала, а каникулы проведешь в Москве, – ответила она, рассматривая толпу ребят на крыльце общежития, в котором жила я.

С ней, не стала спорить, и, ничего не понимая – убежала собирать вещи, не предполагая вероломство этого случая или этих поступков...

Отца перевели в воинскую часть, которая располагалась в одном из городов ближайшего Подмосковья. Родители жили своими планами, а через месяц я узнала от них, что я переведена в Москву. Рыдать не было смысла, но в Забайкалье я больше не вернулась

Итоговый четвертый курс, отвлек меня от переживаний и тоски по Сибири, по друзьям и по моим несбывшимся планам. Увлеченная учебой, я забыла, что мой главный вопрос так и остался невыясненным...

Через несколько месяцев отцу государство предоставило трехкомнатную квартиру. Наконец-то закончились наши мытарства с проживанием в чужой квартире, с хозяйкой, и нас четверо, с учетом моей маленькой сестры, которой тогда исполнилось десять лет...

...Маргарита, сестричка моя. Как я ждала ее появления на свет. Даже имя ей придумала я...

— — — — —

– Если ты еще раз помотришь мне в глаза, я разобью тебе голову! Что, насквозь мою душу шупаешь? Не выношу твой взгляд!

– Но папа! Я ведь просто смотрю тебе в глаза! Разве я что-то плохое сделала?

В мою голову полетела кружка – большая – сувенирная. В Советские времена, наверное, в каждом доме были такие, с блюдцами и памяtnыми датами или названиями. Отец – пьяный и гордый тем, что получил наконец-то «майора» и ордер на квартиру. Ему удавалось «достать» все, что он хотел – колбасу, мебель в новую квартиру. А своей «семеркой – Жигули» он гордился больше всего и не признавал ни чего иного. Он был сильный и грубый. Даже беспощадный. Всем объемом своей личности, самоутверждался в своей семье, за счет меня и моей матери. Мы его боялись не на шутку и прятались по углам, когда он выпивал. Друзья, преферанс в гараже и бесконечные рассказы о его достоинствах рыбака, охотника и просто brutального мужика.

Удар кружкой пришелся на височную часть. Сильнейшая боль и образовавшая выпуклость неизвестной природы, заставили отца выехать со мной к врачу, вместе со «скорой помощью»... Я, почему-то всегда его прощала и оправдывала. Видимо просто любила его. Что-то животное, мужское, настоящее даже восхищало меня...

– Ты собираешься выходить замуж? – как то спросил он резко.

– Не хочу я пока замуж. Мне – девятнадцати еще нет. Я ведь только училась и читала взахлеб то, что мне перепадало от букиниста. Хочу поработать не много, и ведь совсем не знаю мужчин.

– Чушь! Я не желаю тогда тебя здесь видеть! В твоём возрасте бабы уже детей рожают! Ты еще будешь мне возражать? Вон отсюда! Иди – куда хочешь! И не смей мне больше смотреть в глаза – я тебя предупреждал, уже... Он кинулся в мою сторону – свирепый, как разъяренный бык... Мать ни когда не заступалась за меня... из страха, видимо... Ее не было рядом. Каждый – спасать и защищать себя, должен был сам...

Ужас и страх вытолкнули меня на улицу. Я выбежала из дома и сразу озябла в легком старом пальто и сапогах с «дутым» верхом и резиновым низом. Декабрьский холод не терпел пренебрежения к себе. Его бесконечно лютый, дующий со всех сторон, ветер превратил мое пальто в ничтожную тряпку, забрав себе все остатки тепла. Я побежала в сторону леса. Наш военный городок располагался у границы древнего лесного массива, с ягодами и двумя озерами в шаговой доступности от дома. В этом лесу я любила гулять и всегда могла спрятаться от людей.

Что-то большое и очень тяжелое навалилось на меня сверху и пыталось раздавить изнутри. Ком перехватил дыхание. Слезы залили лицо. Это большое и тяжелое – одиночество... семьи – нет, а вернее есть семья, но меня в ней нет – для родителей я была обузой. Их раздражали даже мои успехи. С десяти лет я поняла, какой матерью быть нельзя, и что нет ни чего важнее семьи! Если ее нет – образуется пустота, которую ни чем иным не заполнишь. Без семьи – ты инвалид! Психологический банкрот! Перекати – поле! Так думала я, направляясь в сторону озер, с четким решением, что домой я больше не вернусь.

– Анжелика, здравствуй!

Морщинистое доброе лицо почтальонши я увидела рядом с собой и остановилась. Голос мягкий и теплый вернул меня в реальность, где есть добрые и приятные люди.

– Тебе тут семь писем пришло! Угадай откуда? С Байконура! – обнимая меня за плечи, произнесла она.

– Вера Сергеевна, как такое может быть? Я ведь ни от кого писем не жду, тем более с Байконура!

– Ты что плачешь? А ну-ка, перестань! Делай что-нибудь, со своей жизнью и будет все хорошо у тебя! Посмотри, какая ты красавица! Чудо, как хороша! И ведь взрослая уже совсем! На вот, возьми. Как прочтешь – расскажешь потом?

– Непременно, Верусь! Спасибо, тебе!

Я взяла в руки увесистую стопку писем. Кто-то, убористым почерком, почти нечитаемым, начертал на конвертах мое имя и адрес. Имя отправителя письма – Максимов Сергей! Кто это? Я поймала себя на мысли, что сон, тяжелый и больной – не заканчивался. Правда рыдать я уже расхотела.

Письма, вдруг, накрыли волной неизбежных событий, и в одно мгновение уничтожили и холод, и душевную боль. Менялось настроение. Я вдруг остро почувствовала укол – в самое сердце – беспощадный, но приятный. В мою жизнь в одночасье вошла надежда. Надежда на новую неизвестную мне жизнь. Я огляделась по сторонам и с удовольствием впустила в себя ощущение, что все, что я сейчас вижу вокруг – исчезнет скоро: городок, люди, лужи в определенных местах, а появится что-то другое – новое. Я присела на скамейке в небольшом дворе-вом скверике, освещенная солнцем, вскрыла все письма сразу и начала читать.

Плакать, но уже от радости не было сил. Мне писал мужчина – офицер военно-космических войск. Он старше меня почти на десять лет. Его к нам, в Подмосковский гарнизон, занесла командировка – на три дня – для отправки каких-то приборов и документов. Я сразу вспомнила автобус – раннее утро, сон еще не покинул мое сознание до конца и я, вложив всю свою

силу в металлический поручень, держась и шатаясь, ехала в Москву – на учебу. В голове пытались настроиться на рабочий лад мысли о предстоящей сессии, очередь на прогон программы в концертном зале... Я подняла глаза и сразу вышла из дремы. На меня смотрели большие, почти черные глаза. Правильные черты лица, фуражка слегка набок. «О, Господи! Кто это? Что ему нужно?» Я смутилась не на шутку, но убежать было некуда.

– Меня зовут Сергей. А как зовут вас? – с улыбкой спросил он.

– Анжелика. А вам зачем?

– До Москвы минут двадцать осталось ехать. Боюсь, что не успею вам рассказать о себе должным образом. А вы учитесь? Где?

– Теоретико-композиторское, последний курс. Очень хочется спать, ужасно, правда?

– Да уж, не то слово. Сон, это роскошь и, как я понял, не только для меня. Вы, наверное, очень устаете. Я слышал, что осваивать ваше поприще – не легкий труд. И что выпускают вас, чуть ли не «штучно», – с уважением в голосе продолжал он.

Сергей шутил, рассказывая о том, что он один собирает целый сегмент у ракеты.

«Надо же, подумала я, и как такое может быть?» Ничего не понимая в подобных тонкостях, я слушала его рассказ о реке Сырдарье и раках, о тюльпанах в мае в степи. Я смотрела по своей ужасной привычке ему прямо в глаза, хотя, сильно рисковала, ведь мало кто это выносит, но он не смутился, потому что, так же, прямо смотрел на меня. Было легко и не много безразлично.

Автобус остановился у автовокзала, и мы вышли на улицу. У метро его ждала машина, но ехать с ним я отказалась, сославшись на то, что мне надо побыть одной и сосредоточиться на учебе. Когда мы прощались, он взял мою руку и произнес – тихо и убедительно: – Я очень вас прошу, дождитесь меня. Я скоро приеду. Обязательно приеду.

Выхватив свою руку из его рук, я быстро побежала в метро, которое поглотило меня с головой, отменяя все, что было на поверхности земли, вылилось под ноги волной, бесконечной толпой вечно спешащих людей, колонн, скользкой плитки и потоком воздуха, в котором почти не было кислорода.

Ах, да – письма – даты... Ежедневно – письмо! Мягкий тон, культура речи, выдавала в нем человека, выросшего в семье, где не было места грубости. Спокойный и уверенный – мужчина. Я начинала влюбляться в него, в миф, в образ, который сейчас рисовала сама...

...Через четыре месяца он прислал мне заполненную своей рукой часть заявления в ЗАГС. Подала я его – одна. Родители со странным спокойствием отнеслись к моему выбору. Разговоры о предстоящей свадьбе проходили в равнодушном тоне, но меня это ни сколько не огорчало. Я знала и понимала все и беспокоилась только о том, что будет, а не о том, что со мной происходило в доме родителей. Покупая платье в салоне для новобрачных, я пыталась вспомнить, как выглядит мой будущий муж. Думать о том, правильно ли я поступаю со своей жизнью – не хотела, потому что любой шаг в сторону означал для меня возврат туда, куда я больше не хотела возвращаться, ни при каких обстоятельствах. С того момента, как я приехала сюда, к родителям, даже не предполагала, что все что я делаю и буду делать впредь – не имело и не будет иметь отношения к моей жизни, моим потребностям, не было тем, что нужно именно мне.

Я закрывала собой, как пресловутый пионер – герой, чьи-то темные места в биографии, способствовала получению «трешки» родителями, а иначе, без меня – это была бы «двушка». Весь этот замысел, я позже поняла, когда после ЗАГСА, переехала с мужем жить в Казахстан. Моя мать стала меня убеждать в том, что мне надо непременно выписаться из их квартиры, что иначе я там, не получу свою квартиру. Я сделала, как просила мать. Впредь – она начала воспринимала мое присутствие, но – недолго и только в пределах понятия «приехать в гости», а не домой. Дом отныне я должна была создать сама, не имея понятия – как...

...Посвятить свою жизнь другим людям – это, наверное, то же жизнь! Эта фраза не раз мелькала потом в моем сознании, оправдывая мою беспечность и перманентную доверчивость: доверие к людям, открытость и абсолютную не готовность к негативу в любом его проявлении, полную неспособность увидеть, разглядеть дурное. Зло и подлость, направленную на других, я видела сразу, и знала всегда, как и кого защитить, а если это касалось меня – все мои способности превращались в ноль. Я не умела, не разглядеть дурное, не защитить себя...

Пассажирский поезд уносил меня и моего мужа в новое будущее, как ветер уносит листья в полную неизвестность. Где случится остановка? Станет новый мир желанным и приветливым – я не знала. Как не знала и то, с кем я еду и куда... Мужчина мой, сидел напротив, с газетой и чаем. Я разглядывала его впервые. Знакомый незнакомец. В это мгновение, мне захотелось только одного – чтобы он оказался таким, каким я его нарисовала, когда то. Хотелось стать главным человеком для него, в нашей общей новой жизни. Хотелось жить в его пугающем новом мире, быть нужной ему и любимой им...

Муж вез меня в Белоруссию к своим родителям. Те, в свою очередь, собрали к нашему приезду пол деревни и родню из других городов и земель. Родители мужа приняли меня очень тепло и просто. Нашего приезда так же ждали его родные, брат – Евгений и сестра Елена, которую муж обожал и, которая больше чем кто-либо, хотела как можно скорее познакомиться со мной.

Гродненская область – место особое, где чудно переплетались православие и католичество. Последнее, скорее – преобладало – строгостью нравов, сдержанностью в эмоциях – сразу было отмечено мной с долей удивления.

Мы, естественно, сразу стали центром всеобщего внимания. Свекор все время хотел накормить меня, а мне была приятна его трогательная забота. Непринужденная простота в общении с родней мужа подарила мне драгоценное и долгожданное ощущение, что я стала членом большой и дружной семьи, в которой нет лишних. Дедушка Павел из Лондона – во времена падения Российской Империи – пребывая в возрасте младенца – перебрался с родителями за границу – там и остался. Он был прекрасно образован и слыл рассказчиком – каких мало. Мы пели с ним романсы. Он читал мне стихи и, галантно, как в старину – флиртовал со мной. Я наслаждалась гармонией! Семей! А воздух в доме был наполнен запахами жареного мяса, блинов и чем-то еще – вечным и надежным – запахом того, что было новым и непривычным для меня.

Мои родители то же приехали на наше торжество, что бы «не уронить лицо». Так было принято. За все время пребывания здесь они ни разу не взглянули на меня. Их лица выражали радость – наконец-то меня передали в «надежные руки». На следующий день, рано утром, они уехали – с полным багажником солонины, сала, овощей и иных угощений.

Я проснулась и немного смутилась, что в постели – одна, без мужа, но отмахнулась от дурных мыслей, когда перевела взгляд на часы, отдохнувшая от многолюдья и обязанностей невесты – от всего нового и не привычного для меня.

«Какая красота», думала я, лежа в постели, разглядывая убранство не большой комнаты, утопающей в цветах и подарках. Вышитые удивительными белорусскими узорами занавески и скатерть, окрасили пространство яркими красками, а свежесть на крахмаленой чистоты, это видимо то, что хранили и соблюдали не меньше, живущие здесь из поколения – в поколение.

Время приближалось к полудню. С кухни запахло пирогами. Дом был большой – всем приехавшим хватило места. Кто-то еще спал, а кто-то на лавочке у дома балагурил и курил. Незамеченная ни кем, я вышла из дома и по тропинке отправилась гулять по владению. В теплицах – краснели огромные помидоры, множество плодовых деревьев, обвешанных щедрым

зреющим урожаем, ягодные кусты – удачно соседствовали с пяточками газона с лавочками, маленькими фонтанами и цветами.

Мое внимание привлек колодец, с крышей из изысканного деревянного кружева, огромная бадья, наполненная колодезной водой и уже согретая солнцем. От крыльца обзор закрывали широкие кусты жасмина, а рядом с колодцем стоял столик с мылом, шампунем и мочалками. Меня, немного, удивила такая готовность этого райского уголка к водным процедурам. Я разделась, не раздумывая, увлекаемая желанием испытать наслаждение от прохладной колодезной воды – окунуться в нее прямо здесь – под ярким солнцем – ни чего не страшно. Затея привела меня в полный восторг. Ни кто и ни чего не увидит. Я все успею. Тут я обратила внимание на свидетеля моего таинства – аиста – он сидел в разлапистом гнезде на столбе, в нескольких шагах от меня. Это было невероятно! Пока я, нагая, распускала и расчесывала волосы, он, взмахнув огромными крыльями, взлетел над своим гнездом и, сделав круг надо мной, приземлился – совсем рядом – у колодца. Я продолжала непринужденно расчесывать свои волосы – крупными волнами разлившись до пояса – стройная и естественная, как природа вокруг меня. Птица смотрела без испуга и желания отступить подальше. Гордо демонстрируя свою статью, аист прохаживался рядом. Мое естество и то, чем я занималась в эту минуту, казалось, были понятны ему. Блестевшие на солнце бусины его глаз, смотрели на меня внимательно и с любопытством. Весь мир вокруг замер, с трепетом и волнением, оберегая мгновения чуда, волшебство природы обоих – чудесную песню свирели, глубокую, как таинство древнего мира...

– Ну что ты смотришь на меня, не стыдно тебе? – засмеялась я игриво. Мой смех ни сколько не смутил его. – Что? Нравлюсь я тебе? Да? В твоём вкусе должны быть другие девушки! Меня увлекло общение с птицей, которая совершенно не стремилась улетать или отойти подальше от брызг и моего смеха.

Закончив процедуру, укутавшись в свой пушистый халат, я направилась в дом. Сделав пару шагов – я обернулась. Птица сразу на несколько шагов приблизилась ко мне, явно не желая отпускать меня. Я улыбнулась ему в ответ и помахала рукой прощально – отпуская его. После моего последнего жеста, аист тяжело поднялся с места в воздух, а через мгновение он опустился в свое гнездо, все так же продолжая смотреть в мою сторону. Необыкновенное ощущение наполнило меня. Это было ни с чем несравнимое чувство, что я и птица – одно целое, что это общение было не случайным. Как будто мы с ним из другого мира. Мира леса и ромашковых полей. Мира, где звездное небо вокруг нас – наш общий дом, где все говорят друг с другом на одном языке – мира, где нет людей...

Наблюдая за аистом, я вдруг вспомнила еще одну птицу, которая совсем недавно так же напомнила мне о нашей непостижимой связи: стоя у метро, в Москве, я с аппетитом ела пирожок, купленный рядом – в хлебном. Тут явно ощутила на себе взгляд. Оглядевшись по сторонам, я не смогла определить, найти в толпе людей, глаза, энергию которых я так явно ощутила. Опустив голову, вдруг я увидела нахохлившегося воробья. Он сидел прямо у моих туфель и, закинув свою маленькую голову на спину себе – смотрел на меня – смотрел голодными глазами. Не было опять же, ни страха в его поведении ни напряжения. Я присела на корточки и протянула ему несколько небольших кусочков. Он тут же начал клевать, в полной безопасности рядом со мной. Так мы сидели рядом и ели – только мы вдвоем – понимая друг друга с полуслова. Волнительный момент! Такой же непостижимый, как и этот...

Я, с красивым румянцем, свежая, с блеском в глазах от пережитого, похожая на русалку из «Берендеевского» леса, на лесную ягоду – вошла в дом. Нет, не вошла – впорхнула, привлекающая к себе внимание! Молча, пролетела мимо родни и гостей, в нашу комнату и ловкими движениями нырнула в свой любимый сарафанчик – до колена, приталенный – слегка старомодный, с красиво обозначенной талией и нежным женственным верхом – белоснежный, в синих небольших васильках. Легкий батист был мне очень к лицу. Волосы сами по себе почти просохли, естественные локоны, и кудряшки унесли меня ветром с солнечными лучами, что про-

рвались в окна ко мне. Я без труда нашла свои белые босоножки, одела их и посмотрела на себя в огромное старинное зеркало. Это была я..., что же произошло со мной? Что это – новое и волнующее... Я ощутила себя женщиной! Незнакомое ранее ощущение... не было смысла кривить душой – я красива! И не просто красива! Энергия, которая исходила от меня – навсегда останется в памяти этого зеркала вместе с «волшебным» преобразованием моим и моим смущением.

Выйдя медленно из комнаты, я стала свидетелем тишины, возникшей сразу, после моего появления. Стало так неловко, что я поспешила выйти из дома и направилась в летнюю кухню, где со всем мастерством и любовью Сережина мама создавала шедевры, а от запахов у меня резко проснулся аппетит. В кухне мы были одни.

– Александра Антоновна, доброе утро! – произнесла я тихо, целуя ее. Хотя это было уже не утро вовсе...

– Лапушка моя, это ты? Тебя Сережка видел? Красавица ты моя!

– Нет, а где он? Я сияла и улыбалась, порхая вокруг своей второй мамы, изучая содержимое кастрюль и сковородок.

– Ты, наверное, голодна? Вчера ведь совсем ни чего не ела – я все видела. В таком платье тебе, конечно же, не место на кухне. Только не вздумай предлагать мне свою помощь – я сама справлюсь. Тем более тут и Ленка и сестры мои. Так что хозяек вполне достаточно. Пока она хлопотала, я перекусывала всем подряд понемногу, слушая ее.

– А ну-ка, пойдем, Сергея искать! Видать, они с отцом, где-то, уединились.

Действительно, их обоих нигде не было. Мать мне посоветовала сменить обувь и через огород спуститься к реке – что я и сделала. Шла к реке, наслаждаясь прекрасным ясным днем. Река протекала не далеко от дома – не быстрая и чистая – обласканная солнцем – в кружевах плакучих ив. Захотелось лечь в траву и закрыть глаза, но тишину нарушали птицы, которые устроили переполох в кустах у реки. Было невероятно просто все вокруг. Без фальши и прикрас.

Мужчины сидели на бревне поваленного старого дерева – спиной ко мне. Я, незамеченная ими, подошла поближе. Стало слышно то, о чем они говорили:

– Вот ты женился, сынок. Теперь Ленку замуж выдадим за Юрку. Помнишь его – сын Морозовых – он вернулся из Анголы в прошлом году, так Ленку нашу и заметил. Александр Иванович был статным и мощным. Что-то было в нем от медведя – вальяжное, но доброе. Он преподавал в школе физику и очень любил своих нутрий, за которыми ходил, как за маленькими детьми и все хвосты их в сторону убирал, когда они засыпали под свекольными листьями, мирно разложив их прямо на тропинки, беспокоясь, что бы ни кто не наступил, случайно.

– Пап, я люблю Анжелику! Но намается она со мной, ты же знаешь, о чем я...

– А голова тебе на что? Вот и думай. Хорошая она, чистая и открытая. Береги ее! Профукаешь, можешь не приезжать сюда больше. Мать то же переживает о тебе, но и терпеть твои выходки то же уже не хочет. У нее к тебе разговор есть, так что – готовься, при случае – она все скажет.

Я не могла больше безучастно стоять за ивой. Было неловко мне, да и разговор их сильно меня встревожил. Подойдя к ним, взяла обоих за руки и молча, повела их в дом. Они что – то говорили мне, говорили между собой, а я тем временем начинала обрастать какими-то тайнами, но при этом так не хотелось ни тайн, ни их последствий...

– Сергей тебе рассказывал об Александре?

– Нет, а кто это?

Ленка потупила глаза на свой маникюр, который требовал немедленного внимания, как считала она.

– Лен, почему ты молчишь? – взволнованно произнесла я и, видимо, побледнела, да так, что даже почувствовала свою нарастающую бледность.

– Девчонка одна, балерина из Москвы! То же красивая. Они очень сильно любили друг друга. Сергей как чумной ходил.

– И что? – не унималась я.

– Да ничего, просто мне казалось, что Сергей больше ни когда не полюбит, ни кого, после нее. Они расстались, лет 5 назад. Что – то промелькнуло в ее лице – не приятное. Мне показалось, что она расстроена из-за того, что Сергей встретил меня. – Он в прошлом году ездил в Москву. Хотел ее найти – не получилось. В это время как раз он и познакомился с тобой.

Взрыв интуиции вдруг, оглушительным боем, потребовал от меня немедленно встать и уехать отсюда – пока не поздно! Но я заглушила этот бой и немедленно нашла оправдание поведению мужа, но вслух не произнесла ни слова.

– Девчонки, а что это вы такие серьезные? – произнес Женька, брат Сергея, подпирая дверной косяк. – Анжел, тебя все потеряли. Все бегаешь мимо. А куда ты бегала, скажешь?

– Женька, отстань от нее! И хватит уже выпивать. Целый день впереди, а ты уже полон до ушей, – одернула его Ленка.

– Я разве пристаю? Ленка, ты не права! И в остальном ты, то же не права!

– И в чем это – остальном?

– Я с тобой больше не говорю. Я с Анжеликой хочу говорить.

– Пойди, проспись! Потом поговорим! Ленка обожгла его взглядом зло и требовательно.

Паузу Женька еле выдержал, но все же не унимался:

– Ну что ты в нем нашла? Вот мы, с ним, между прочим – не ладим! Ну, какая любовь – я тебя умаляю – смешно даже! И как с таким, как он можно вообще поладить?

Я резко встала и ушла. Это единственное, что я смогла в тот момент себе позволить. Месяц, проведенный у родителей мужа, в присутствие родни, принес с собой противоречивые ощущения. С одной стороны – я оказалась принятой в его семью. Меня просто обожал его отец, и, всеми силами оберегала от забот, его мать. Ленка с Женькой – обыкновенные брат и сестра. Я поняла, что они не особо воспринимают друг друга, но оба едины в одном – что-то, чего я не знаю, они категорически не приемлют в Сергее. И отец тогда на речке – о чем он предупреждал? Что он имел в виду?

Бесспорно лишь то, что было незаметно вначале – они все меня жалели – каждый по-своему. Но мне было не очень уютно от другого: за этот месяц мы с Сергеем практически не общались, ни разу не оставались вдвоем – ночь, конечно – не в счет – с ней все предельно ясно. Мне показалось, что он избегает моего общества. Всегда пытался передоверить меня кому-то. На общем фоне присутствия в доме большого количества людей – это выглядело естественно – мною интересовались все, без исключения и внимания требовали то же все.

Впервые оказавшись замужем, я витала на облаках любви в предвкушении счастья. Но реальность сразу указала мне свое место – там, где о счастье и взаимной любви не принято говорить. Я оказалась в том месте – где в своих чувствах я осталась одна, продолжая верить своему мужу и стараясь принять его таким, какой он есть...

Глава 5

– Анжелика, через минут двадцать нам выходить – наша станция, – спокойно предупредил меня муж, все так же читая газету.

– Что? Ах, да! – ответила я, пребывая в неопределенном настроении. Сергей насколько мне удалось заметить – то же. Все складывалось само собой и плавно перешло в обычный режим супружеской жизни.

Полигон нас встретил жуткой жарой. Август. Потрескавшаяся земля. Пыль везде и на всем, как после извержения вулкана. Такое ощущение, что о воде и о дожде здесь не помнят уже тысячу лет. Станционный аул имел признаки «средневековья» – глиняные постройки и загоны для скота, грязные пыльные детишки, гуляющие самостоятельно. Неопрятные женщины, одетые в бархат в такую жару и мужчины – то же не опрятные – за то в костюмах.

Все происходило очень быстро. Вот мы уже сидим в чьей-то машине. Огромный пакет с фруктами, две дыни рядом со мной на заднем сидении, позади меня наш багаж...

– Позвольте представиться – Вадим Никитин! Мы с вашим мужем почти друзья!

– Анжелика. Очень приятно! А почему почти? – поинтересовалась я.

– Вот если нам удастся доесть до конца наш с ним пуд соли – то станем друзьями, – ответил мне Вадим и ему, почему то, стало смешно.

Сергей – улыбнулся и дотронулся до его плеча. – Вадим, ты опять на коне? Постарайся угомониться.

– Ну что ты, Сереж, я всего лишь хотел поднять настроение твоей жене.

Я сидела на заднем сидении и лишь переводила, молча взгляд – то на одного, то – на другого, пробуя постичь тонкость юмора новоиспеченного друга.

– Тебе на службу в понедельник, – напомнил Вадим.

– Да, спасибо! Есть еще пару дней на то, что бы побыть с женой и показать ей город.

– Начни с нашего «Арбата», ей понравится, там недавно фонари обновили.

– Да – да, только я начну с духов. Такого выбора настоящих французских духов, как здесь – больше нигде нет. Может я, ошибаюсь? – предложил Сергей, оживившись.

– Согласен! И не забудь провести экскурсию по продовольствию. Ей полезно будет знать, что снабжение здесь, чуть ли не самое лучшее в Союзе.

Непринужденная беседа мужчин, конечно, была мне интересна, но я – «плавилась» от жары и с большим усилием переносила поездку. – Ребятки, а скоро мы приедем? Я уже больше не могу! Такое ощущение, что вот-вот провалюсь в обморок! Надо же, как жарко, как в духовом шкафу...

– Минут пятнадцать, не больше осталось, потерпи, ладно? – Вадим посмотрел на меня в зеркало заднего вида, и я увидела его глаза, голубые и даже синие. Но в них «что-то» было пронзительным и острым, и это «что-то», можно было сравнить только оружейным выстрелом.

Как оказалось, Вадим – человек «системы». В одном лице он был и «обвинение» и «суд» и «каратель». Находясь рядом с ним, человек начинает испытывать неловкость мухи, пойманной в сеть паука. Появляется ощущение абсолютного подчинения, как во время сеанса гипноза. Его взгляд – валил наповал. Его манера говорить, его стиль – вызывали паралич и мозга и конечностей, но более всего, вызывали страх. Короче, мы с ним поладили! И даже подружались! Видимо от того, что его «чары» на меня не действовали. И ему и мне это нравилось.

– Ты в курсе, что происходит в стране? – серьезно спросил Вадим, обращаясь к Сергею.

– Так, не особо. Надо почитать. Ты же знаешь, что я «технар». А что?

– «Перестройка!» Представляешь? Великая страна, как организм с хроническими нарывами, готова к операции! Как говорить – рыхлое тело готово к операционному внедрению в него чужеродных имплантатов! Жуть! Я шокирован! А схему, какую создали, костоправы...

зависть свою ни чем утолить не могут, вот и додумались, черти! Appetитная и вкусная страна! Держава! Суки! Малохольные слабаки и негодяи! Бескорневые и слабые! Разрушат ведь все – гады! А потом начнут жрать по отдельности куски того, на что распадется наша Родина! Вот так и разлетится вдребезги некогда сильный и всегда готовый к подвигу организм! А что потом? Ты знаешь? Как дальше жить и чему детей своих учить? – пылко рассуждал Вадим.

Сергей в изумлении, покачал головой, не сводя взгляд от Вадима.

Все молчали. Впечатление от резких высказываний Вадима внесли смятение, и я задумалась над его словами, понимая, о чем шла речь...

...Проехали контрольно – пропускной пункт и въехали в город. Как оказалось – оазис в пустыне! Система орошения, которая паутиной окутала весь город от въезда в него – была заметна сразу. Деревья – благоухали, кустарники, цветы – клумбы и газоны. Относительно свежий воздух, увлажненный, насколько это было возможно, облегчал тягостное влияние «пекла», песка и невыносимой сухости, губительной для всего живого.

– Красиво и ухожено, – произнесла я. – Какое удивительное место и какой контраст с тем, что за забором...

Все прежнее, будто законсервировалось в этом чудном и закрытом для посторонних людей, месте. Полигон продолжал жить и выполнять государственные задачи. Не возможно было оторвать свое внимание от наблюдения за процессом рождения нового типа мышления, подхватившего «вирус» навязанной «гласности». Демократическое общество! Что это? Интересно, что станет с привычками? Вероятно, будут приобретены новые, а по старым – все затоскуют навеки... теперь обо всем можно прочесть и без страха обсудить в кругу единомышленников. На всем, ранее запретном, выбили все заглушки! Со всего подряд сняты затворы! Казалось, страна получила доступ к живительному и здоровому, что наполнило легкие кислородом. А что дальше? Прав, Вадим: – куда ведет вектор – ни кто не знает. Мало кто об этом думает сейчас. О последствиях, задумываются, к сожалению, лишь тогда, когда либо уже поздно, либо на грани «фола».

Быт наш замкнулся на стареньком семейном общежитии, в котором был полный развал всего того, что связано с понятием «уют», с крысами, огромными – длиною в палец – тараканами, фалангами, но люди, живущие рядом с нами – неунывающие, вдохновленные любовью и дружбой, увлеченные своим вкладом в общее дело полигона и страны. Иными словами, весело здесь, по всем немислимым правилам советского гарнизонного общежития.

Я ждала ребенка и ежедневно, с работы – мужа. Знакомилась постепенно с соседями и находила друзей. Мне здесь нравилось! Энтузиазм! Открытость в общении! Люди, влюбленные в полигон, в город – это особые люди – с чистым сердцем – романтики и мечтатели с категорической, абсолютной верой в свою нужность! С верой в то, что у государства они под особой опекой. При тотальном товарном дефиците в стране – здесь «было все», что душе угодно – от мебели и колбасы – до настоящих французских духов.

Я, как жена офицера, выглядела, как подобает статусу. Мне нравилась доступность не больших благ, которые я могла себе позволить.

Комната в общежитии быстро преобразилась в уютное и чистое гнездышко. Дверь входную я ни когда не закрывала на замок, так что войти мог кто угодно и когда угодно.

– Ты, похоже – счастлива! Слава Богу – что так. Я наслышан о вашей истории знакомства. Вадим был сдержан и вежлив – как всегда. Как многие общие знакомые утверждали, что ему иначе нельзя. На своей службе в комитете, о котором все говорили шепотом, он приобрел особенные привычки, такт и умение вести диалог на уровне намеков.

– Почему ты так смотришь на меня? Тебя что-то смутило в моей речи?

– Вадим, меня смутило то, что ты в принципе заговорил о моей личной жизни. Здесь явно что-то не так, – ответила я и улыбнулась, демонстрируя ему хорошее настроение.

– У тебя всегда так чистенько... как тебе это удается – здесь, в этом кошмаре? Общежитие – старое, его скорее снесут, чем сделают капремонт.

– Насколько я правильно тебя поняла, ты хотел мне сказать что-то другое!

– Анжелика, мой долг предупредить тебя о том, что ты очень нужна своему мужу. От твоих действий зависит его карьера и ее продолжение.

– Что такое с моим мужем? О чем ты меня просишь или предупреждаешь? – тревога молотком застучала в моем сердце, яростно и резко...

– Твой муж – талантливый инженер с множеством рацпредложений, но у него проблемы с алкоголем и он игрок – увы. Ему дали шанс – служить дальше и продолжить свое членство в КПСС, при условии, что он женится. Масса – взысканий! Суд чести за игру в карты и пьянство! Я знаю его с распределения сюда, а это девять лет. Тебя я – то же уже узнал и не думаю, что ошибаюсь. Иначе не пришел бы к тебе...

– Что ты сейчас делаешь, Вадим? Ты начинаешь принимать очертания спасательного круга – даже забавно! Зачем тебе это? Душевный порыв? Скажи мне правду!

Вадим засмеялся и заметно расслабился. – Видишь ли, я не склонен, ты же знаешь, испытывать... в общем ты меня поняла... Покой и логика – это мое, а все остальное – не привлекательно для меня.

– Ну ты сухарь! Не верю! Вспомни, как ты недавно, у Тимониных в гостях вел себя – я все помню! Людмила от тебя была просто в шоке! Показушник!

– Дело в тебе! – ответил Вадим, не реагируя на мой юмор. – Я ведь недоговорил о том, что стало привлекательным... Я, почему-то, как гляну на тебя – сразу становлюсь другим человеком, и меня это радует! Свое отражение в зеркале, меня давно уже начало пугать и раздражать. Устал я, наверное, а тут – ты, не такая как все, что-то настоящее и свежее в тебе! Когда я говорю с тобой – начинаю доверять даже самому себе! Ты понимаешь меня?

– Отчасти... не сейчас об этом. А причем тут мой муж? У нас скоро будет ребенок. Я – счастлива. Туда, где я была до него – возвращаться не хочу.

– Хорошо! Я скажу все! Вадим закашлялся от волнения и сильно побледнел. Было видно, что этот разговор не приносит ему не удовольствие не радость. – Ему нужен был ваш брак, а так как женщинами он особо не увлекался и уже давно, то удивил всех, когда объявил, что женится! Прости, мне очень жаль! Но «намотай себе на ус», а я буду всегда рядом, если что.

– Уходи! Немедленно! – закричала я в ответ и присела на стул.

Вадим немного задержал свой взгляд на мне, затем резко развернулся и ушел

Сергея я любила юношеской любовью и возможно незрелой, как умела – но всей душой! – Да пошел он! Рядом он будет! Вадим, какой-то... собственно, кто он такой? Тот, кто совершает благо? Зачем, ему, что-то испытывать ко мне? Я – замужем! И Характер мой, по всей видимости, для него не тайна!

– Что у нас на ужин? – мои мысли прервал ровный, без эмоций, голос Сергея.

– Тебе удалось поговорить на счет квартиры? Мне скоро рожать, – радостно, надеясь на положительный ответ мужа, спросила я. – Так не хочется, что бы после рождения ребенка, наша семья продолжала жить здесь.

– Мне сложно разговаривать об этом с командиром и генералом, – не поддерживая мой настрой, произнес Сергей. – Зачем ходить к нему, он все равно не будет заниматься этим вопросом. У нас сложные отношения – он меня терпеть не может, а я не выношу его.

– Но ты не о том думаешь! – со слезами на глазах произнесла я. – Что случилось между вами? В городе достраивают целый микрорайон, обещали расселить общежитие. Мне кажется, что достаточно написать рапорт и подать его...

– Ты не понимаешь, он не будет мной заниматься! – все больше раздражаясь, произнес Сергей.

– Ну почему? Чем ты отличаешься от других?

– Это давняя история, не зачем тебе знать о ней, – пытался прекратить разговор он.

– Я твоя жена! И все, что с тобой происходит и все, что было, рано или поздно станет мне известно!

Сергей вскочил со стула и быстро вышел вон. Ночевать он не пришел. Где он был – я не знаю...

Я не сегодня поняла, что есть четкие границы того, куда мне заходить можно, а куда нельзя. Отсутствие доверительных отношений – несло за собой страдания и скованность. Я совершенно не знала, как себя вести... к тому же помнила все то, что посеяло в мою душу сомнение.

Людмила – моя подруга с мужем, были нашими соседями и частыми гостями – гидами во всем, что касалось быта, новостей и страховочных моментов.

– Анжел, покорми меня. Есть хочу – ужасно! – произнесла она, постепенно, проникая ко мне в комнату. – Вы что, поссорились?

– А с чего ты взяла? – ставя на огонь котлеты, произнесла я

– Да так, Сергей твой, зашел к нам, потом они с моим Семеном ушли куда-то, озабоченные.

– Да ничего особенного. Я ему про квартиру начала говорить, а он почему-то каждый раз старается избегать этой темы, а мне в апреле рожать, – я заплакала, почему-то, горько-горько. – Люд, как ты думаешь, Сергей меня любит?

Людмила, молча, обняла меня, прижимая к себе. – Девочка моя, милая, я тебе как на духу скажу – мы с твоим мужем давно общаемся. Что касается разговоров о работе – здесь ему равных нет – поддержит любую тему. А вот о личной жизни – не знаю, что и сказать тебе – за семью печатями у него все. Какая-то краля у него была до тебя. Сох он по ней, но у них – не сложилось, не знаю почему. Он выпивать начал и очень сильно. Сейчас – как тебя привез – держится, но мне кажется – с трудом – от того и злой такой и нервный. Промотал он все, что было ценного у него в свой вонючий преферанс! Сергей твой с одной стороны очень сильный – не подступишься! А с другой – боюсь, он весь остался в своем прошлом, поэтому и не заботят его проблемы будущего.

Я посмотрела на Людмилу и разревелась еще больше.

Мужчины наши вернулись только на следующий день, вечером. Сергей сразу же лег спать, будто нет меня, и не было ни когда, а я – начала взрослеть под тяжестью забот и негативных мыслей. Поняла, что решать и делать все придется мне самой.

Проснувшись утром, я увидела Людмилу, сидящую за моим столом с чашкой чая, упле-тающую пряник. Она не была похожа на себя – прежнюю. Аккуратный макияж, прическа, вся свежая – в лучшем своем платье василькового цвета с белыми вставками, туфли.

– Ой, что это с тобой? – спросонья, произнесла я, поднимаясь с постели. – Этой ночью у тебя появился другой мужчина? Не смешно! Чего это ты сияешь, как новая копейка? – развеселилась я от души. – Рассказывай, давай!

– Слушай, дорогая! Как ты думаешь, что обязана сделать женщина после того, как узнает правду о своем муже, а?

Я пожала плечами, а мое лицо скривилось в некую гримасу, мало имея отношение к позитиву.

– Так вот! У тебя есть деньги?

– Да, мы с Сергеем откладываем, понемногу, на покупку японского телевизора. А что?

И у меня есть. Значит так, пьем чай, приводим тебя в порядок и идем гулять – будем активно тратить деньги!

Пешеходная улица в нашем городе – самая любимая, самая уютная, прекрасное место для народных гуляний, отдыха и прогулок – площадь рядом, дом культуры – все в одном месте. Вечером, когда включают фонари – обстановка располагает к приватной беседе, свиданиям и маленьким тайнам, неожиданным и тем более приятным и волнующим.

Пол – дня, потратив на магазины, кафе и прогулку по городу, мы пришли на наш «Арбат». Вечер только начинался. На лавочке около кафе было уютно приземлиться и расслабиться. Довольные собой и проведенным временем, мы хохотали над всякой житейской чепухой, как вдруг за столиком в кафе, я увидела Вадима. Его вид «с иголки» – белое на загорелом – выгодно выделял его из множества иных мужчин – в шортах и сланцах. Вадим читал печатный текст, вальяжно попивая прохладное пиво. Создавалось впечатление, что и он и наше появление здесь – на этой скамейке, а не на какой-либо другой – было не что иное, как нечто – спланированное заранее и тщательно скрывалось. Вадим смотрел на меня, а я – на него. Беременная, уставшая от самой себя – я подумала только об одном: «И что ему нужно, здесь и сейчас? Куда не приди – везде – он!»

Людмила – засуетилась. У нее вдруг возникла потребность – куда-то отлучиться. «Ну, надо – так – надо», – подумала я.

– Иди уже, я тебя жду! – ответила ей я и тяжело вздохнула.

Отложив в сторону свое «что-то», Вадим встал из-за стола и направился в мою сторону.

– Здравствуй, дорогая! – произнес он с улыбкой. Как же ты красива! И платье твое. А волосы... твоими волосами я любовался бы вечно...

– Вадим, прошу тебя, не продолжай!

– Напротив! Весь полигон уже обсуждает тебя – особенно мужская его часть – завидует твоему мужу. Пойдем за мой столик. Хочу угостить тебя освежающим коктейлем.

Я подчинилась и пошла, а он – за мной.

– Обязательно должно быть мороженое! Это единственное, от чего я сейчас не откажусь! – произнесла я, присаживаясь за столик и пытаясь окинуть взглядом текст, который недавно читал Вадим.

– Как скажешь, – с улыбкой ответил он, открывая передо мной меню.

Через час мы с Людмилой вернулись в общежитие и разошлись по своим комнатам. О моей неожиданной встрече с Вадимом она не произнесла ни слова. Сергей – спал. От него опять веяло запахом алкоголя. Было неприятно, что его не беспокоило мое отсутствие. «Ну да Бог с ним, устал, наверное – пусть отдыхает», – подумала я.

Закончилась теплая и комфортная осень. Декабрь выдался – бесснежным и ветреным. Холод постепенно входил в жизнь раскаленного летом города. Все реже мы с Людмилой гуляли вдвоем – лютый ветер гнал обратно, в тепло, запечатав меня в комнате. Мысль о квартире занимала все мое внимание изо дня – в день, а моего мужа это продолжало нервировать все больше и больше.

– Рожать ты поедешь к своим родителям, тебе будет нужна помощь, а из меня какой помощник. Завтра пойдем на почту и позвоним им, а позже – как окрепнешь – я заберу тебя домой, – рассуждал спокойно Сергей, открывая форточку, что бы покурить.

Я молчала, потому что одна только мысль о том, что я на какое-то время, пусть ненадолго, вернусь к родителям – «скрутила меня в жгут».

– Сереж, я не хочу от тебя уезжать. Я люблю тебя. Ты мой муж и я должна быть рядом с тобой! К тому же здесь прекрасный госпиталь.

Он докурил сигарету и подошел ко мне. – Надо ехать, постарайся понять и согласиться со мной. Рожать тебе в апреле, а уехать надо в феврале – хотя бы за пару месяцев – что бы подготовиться, – глядя мои волосы, произнес он.

– Я как рожу – сразу вернусь – я не смогу. Я там буду совсем одна.

– Ладно, договорились, – ответил он.

Весь январь мы кутили. Отсутствие токсикоза было мне на руку. Легкая на подъем, я очень много передвигалась. Сергей в хорошую погоду возил меня с собой на площадку. Друзья заполнили все пространство вокруг нас. Очень часто приходил Вадим. Как то, он объявил нам, что скоро уедет в Москву – его переводят на повышение. «Отвальную» он так и не устроил, а не задолго, до своего отъезда, сказал мне, что – не прощается и напомнил о том, что я всегда могу рассчитывать на него и что к моему мужу это не относится. Вадим вскоре уехал. Сергей не любил говорить о нем, а я перестала задавать вопросы.

Как то утром, я проснулась от того, что по мне, прямо под одеялом что-то ползло. Мой крик разбудил всех – рядом живущих. Оцепенев от ужаса, я откинула одеяло и увидела на себе огромного черного таракана. Чаша терпении – лопнула. Страх и брезгливость – захватили меня. Я больше не могла жить и терпеть все это – крысы, тараканы...

– Ну что ты, успокойся! – закричал на меня Сергей. – Посмотри на него – он здесь хозяин, а не мы! Он громко зевнул и повернулся лицом к стене.

На потолке, прямо над головой, сидела еще пара – таких же, огромных – готовых в любой момент на меня упасть. Я не могла успокоиться и продолжала кричать. Сергей, видимо, не в силах более терпеть мою истерику, молча, поднялся, надел форму и торопливо вышел из комнаты. Я проводила его взглядом и решила выйти на улицу. Утро было солнечным – не большой мороз – погода располагала к прогулке. Но истерика моя переросла в нечто большее, требуя совершения поступка – какого – было не важно. Уверенно, я направилась в штаб полигона. Все, кто пытался меня остановить – были «уничтожены», как мне наивно казалось. В бесконечных коридорах, я пыталась отыскать одну единственную, нужную мне – дверь и стремилась застать на рабочем месте одного генерала, который – со слов моих знакомых – решал жилищные вопросы.

Открыв тяжелую дверь в его кабинет, я увидела великолепное пространство – с кожным огромным диваном, креслами и аквариумом на пол стены. Новый яркий ковер прекрасно сочетался с тяжелыми портъерами. Стол, массивный и добротный, с множеством статусных вещиц – был венцом в убранстве кабинета. За столом восседал тот, увидеть которого мне понадобилось срочно – сейчас – безотлагательно!

– Мне доложили, что вы ворвались в штаб, без записи, не соблюдая процедуру приема граждан. Милая моя, так – нельзя! Вы в курсе? – взволновано, и строго произнес он, дописывая что-то. Подняв на меня глаза, видя меня, идущую к столу – он покраснел от собственной значимости и ярости.

– Любезный! Как тебе здесь служится? В таких хороммах? – заговорила я, ядовито – бархатным тоном, подойдя к столу.

– Да что это с вами? Кто вы такая? Да я вас...! – закричал он и схватил рукой трубку телефона.

Одним взмахом руки я сбросила телефонный аппарат со стола, потом, расстегнув дубленку, уселась на его стол. Мой большой живот сразу оказался для него центром внимания.

– Значит так! – сказала я, снимая перчатки. – У меня через две недели самолет – я улетаю рожать в Москву. Если за эти две недели мой муж не получит квартиру, я приду рожать к тебе – прямо сюда – на этот шикарный ковер! Перчатки с последними словами полетели генералу в лицо – красное и широкое. – Я не шучу! Любезный! Считай, что рапорт подан мной, как

женой офицера! Мой муж уже полгода пытается решить этот вопрос, но вы – мало того, что страдаете излишней полнотой – так еще и глухотой и слепотой!

В глазах резко потемнело, и я стала медленно сползать на пол.

Придя в себя, я увидела над своим лицом – лицо врача и какую-то женщину с химической завивкой. Мне стало лучше, и я попыталась подняться, но диван был слишком мягкий и все мои усилия стали напрасны. Врач помог мне принять вертикальное положение и еще раз пощупал пульс. В домашнем платье, с распущенными волосами, я сидела на роскошном кожаном диване, и от моей прежней воинственности больше не осталось и следа.

– Как все это мило! Меня всегда восхищали такие женщины, как вы! Посмотрите, друзья, какая нимфа! Это спутница одного из наших офицеров. Вам уже лучше? Кто вы? – присаживаясь на корточки возле меня, произнес генерал.

– Анжелика...

– Я еще больше сражен! Я просто раздавлен вашими достоинствами! Анжелика! Можно я дотронусь до ваших волос?

– Ни в коем случае! Вы не посмеете..., – тихо и твердо ответила я.

– Скажите мне вашу фамилию?

– Максимова. Я назвала номер части и площадки, на которой служит мой муж. – Все, о чем я здесь сказала – я сделаю – не сомневайтесь.

– Я не сомневаюсь, моя дорогая! Где вы живете сейчас? – не унимался мой собеседник, пристально глядя в мои глаза.

– В офицерском, на Студенческом.

– Михаил, будьте любезны, сопроводите нашу леди до госпиталя. Я позвонил уже кому надо – ее ждут.

Михаил жестом подтвердил свою готовность к исполнению распоряжения руководства. Медленно «выплывая» на крыльцо в сопровождение сотрудников штаба, я испытывала двойное ощущение: права – не права и надо – не надо...

– Верните мне перчатки, – произнесла я, внезапно остановив Михаила.

Он, вскоре, появился с перчатками и помог мне сесть в служебную волгу. По дороге я думала о том, что надо же было докатиться до такого приступа истерии, что бы вот так – совершенно не задумываясь о последствиях для себя и своего мужа – взять и совершить поступок, которому в итоге не было даже названия! Подобное «донкихотство» меня всегда немного смущало в других людях и сместило чуть-чуть. Но тут я, сама проявила себя подобным образом.

– Когда не знаешь, что делать – делай шаг вперед, – тихо произнесла я, разглядывая территорию госпиталя, успокоившись.

– Что вы сказали? Я не расслышал, – обратился ко мне Михаил, въезжая на парковку.

– Мы – приехали, говорю!

Припорошенная тонким слоем снега территория госпиталя – была особым миром со своими радостями и особенностями. Редкий санитар волоком тащил повозку, с закрепленными на ней кастрюлями и бидонами. Посетители, в поисках нужного корпуса, загруженные сумками с бульонами и апельсинами – сновали взад вперед, то и дело, попадая не в ту дверь.

Оставив позади черную служебную волгу, взяв под руку Михаила, я неуклюжей походкой отправилась туда, куда меня отправила властная и впечатлительная натура штабного генерала. Подчиняясь обстоятельствам – я думала только о том – что и как буду объяснять своему мужу, к тому же, я не любила посещать медицинские учреждения, поэтому – все, что было выяснено и зафиксировано в госпитале, относительно моего физического состояния – легло, в итоге, в основу при поступлении в родильное отделение.

Надо вам сказать, упомянутый генерал – проявил максимум внимания и такта ко мне – «к своей подопечной», как он любил говорить впоследствии, совершенно забыв о моей бестактности и моей невнимательности к его персоне.

– Что это случилось с тобой, в штабе полигона? – спросил Сергей, чрезвычайно заинтересовавшись происшедшим. – Мое личное дело запросили из части сюда. Что, в конце концов, происходит! И почему я узнаю все в последнюю очередь?

– Разве что-то случилось? – утопая в солнечных лучах, спросила я мужа. – Посмотри, в палате так приятно, чистенько. Персонал – удивительный! Представляешь, я сегодня выпалась! Без тараканов...

– Почему ты не отвечаешь мне?

– Хорошо, я отвечу! Меня очень сильно напугали тараканы, а еще я очень боюсь крыс...

– Ты о чем? – раздражаясь от нетерпения и моего настроения, произнес Сергей.

– Я отправилась гулять и возле штаба упала в обморок, а этот – как его – Михаил кажется – оказался рядом и генерал – то же. Они меня сюда и определили. Помочь, видимо, хотели – вот и помогли! Ты ведь знаешь, как редко совпадает – хочет помочь и может помочь!

– Ладно, бывает, конечно – всякое. Мне – пора. Я должен идти. Слушай врачей, – в какой-то прострации находясь, произнес он. – Что тебе привезти?

– Мандарины и сырокопченую колбасу!

– Ага, и будешь ты ее жевать, в итоге, спрятавшись под кровать! Врач будет не доволен.

– За то буду довольна я! – хохотала я, пребывая в прекрасном настроении.

Муж поцеловал меня в щечку, натянуто улыбнулся и, не оборачиваясь – ушел.

«Почему врачи так хлопочу? – думала я – странная опека, с чего бы это? Да... ну и выдала я, что же теперь будет?... А стыдно-то как! Генерал! А я его перчатками по лицу! Говорят, что он служил долго в «горячей точке»... Ой, мамочка...!

...Опять я хочу спать, да что же это такое! Как будто в каменоломне сутки отпахала. Как же я хочу девочку, маленькую такую, лапушку...» Сон, как заботливый и добрый лекарь – укрыл меня облаком уютным и теплым. Надежда... Надюшка... Доченька моя...

Неделя прошла незаметно и мой «курорт» госпитальный подошел к концу. Сидя в такси, мы с Сергеем подъехали к подъезду нового дома в новом микрорайоне. Он был мрачен и молчалив.

– А куда это мы приехали? – не скрывая своего удивления, спросила я.

– Домой! Моя дорогая!

У меня задрожали руки и коленки. Когда Сергей открыл передо мной дверь – я с большим трудом смогла выйти из такси.

– Я телевизор купил! – продолжил Он. – Помнишь, какой мы хотели?

– Да, да, я помню! Передо мной открылась дверь и я вошла.

Широкий коридор с новенькой прихожей, дорожка, кухонный гарнитур, мягкая мебель; детская – обставленная и подготовленная к рождению малыша...

Я, молча, шла по «своей» квартире и пыталась разглядеть хоть один предмет из прошлой жизни – моей жизни. – Откуда все это?

– Это тебя нужно спросить, – резким тоном произнес Сергей. В его глазах появился недобрый блеск. – Я бы так не смог.

Кухонный гарнитур белого цвета. Занавески и пол цвета морской волны – «Кто угадал? Кто знал о моих маленьких мечтах?»

Вадим... Он сидел на табурете, спиной к окну – как изваяние и ждал, когда, наконец, я его увижу.

– Что ты тут делаешь? Тебя ведь не должно быть...

– Не горячись, моя дорогая! Я здесь всего на два дня – по делам.

– Ну, так иди и делай свои дела! – опустив глаза, теряясь в словах, произнесла я.

– А я уже одно сделал и вполне собой доволен! – вальяжно, закуривая, произнес Вадим.

– Доволен? Может, ты мне расскажешь – откуда все это – мебель, паласы, утварь? Все это стоит больших денег! Я металась по кухне, открывая дверцы навесных шкафов, тумб. Заглянула в новый холодильник. – Не ты ли, расщедрился? Вот только не пойму я – с какого такого рожна, исключительные предпочтения? – все больше разжигая свое негодование, кричала я. – У меня не было денег на такую роскошь! Разве что на телевизор – да! А остальное?

Вадим встал и попытался меня успокоить и даже обнять...

– Да пусти ты! Мутная личность! Ни когда не верила в бескорыстие таких поступков! И в искренность такой вот заботы!

– Если я что-то могу – я делаю, а если я еще и хочу это сделать, то у того, кто против – нет шанса мне помешать! – ответил вкрадчиво Вадим, улыбаясь.

– Ладно, потом поговорим, – резко закончила я этот неприятный разговор. – Ага! Стол накрыли, торт – как мило! Люд, а что в духовке? Очень хочется есть!

– Да тут я! – выходя из ванной, произнесла Людмила. – Вадим, сходи – покури! Сергея успокой. Избавь мою подругу от объяснений. Видишь – он не в себе.

– Мои милые девчонки! Я вас – обожаю! – с нездоровой радостью вскрикнул вдруг Вадим. – Все, я – ушел!

– Люд, представляешь, если бы на меня неделю назад не заполз таракан, и я чуть не наступила на крысу – ни чего бы этого не было! Забавно, правда?

Лицо подруги стало похоже на изображение улыбающейся матрешки. Застывшее, слегка, в густом шоке или тике – не знаю, с чем еще сравнить. – Потом все расскажешь, а то от этих двоих ни чего не удалось узнать. Странно все, как в сказке про Деда Мороза и послушную девочку, которая заслужила крутые подарки!

– Перестань!

– А че, перестань-то! Я говорю – как есть. Им – виднее! Всегда завидовала бабам, умеющим собирать вокруг себя мужиков со статусом!

— — — — —

Самолет уносил меня в огромное пространство бескрайнего неба. Вадим сделал мне постоянную бронь и я теперь могла улетать и прилетать когда хочу, а не ждать очереди. Странные люди и, наверное, не менее странная я. И что же они видят во мне такое, чего ни как не удастся увидеть мне? Возмущена моя жизнь! Их поступки, слова..., оголили во мне что-то грандиозное и абсолютно женское – первородное! Разбудили меня, подняли из руин, подвели к зеркалу и указали на истину! В этом, в чем-то новом и непривычном, я чувствовала себя очень комфортно! Как будто бы свершилось, наконец-то то, что давно должно было свершиться! Суть, сидевшая, под толстым панцирем неуверенности и зажатости – в одночасье и стремительно, разрушила оболочку! Крылья расправились и совсем мне не мешали!

— — — — —

– Тужься! Ласточка моя, давай! Еще не много! Умничка! На вот, посмотри на свое сокровище! Вот она, Надюшка твоя! Как и просила...

Крик малышки прекратился сразу же, как положили ее мне на грудь заботливые руки акушерки. Ее глаза, добрые как у любящей матери, смотрели на нас с улыбкой.

– Я – мамочка! Я стала мамой! Это – чудо! Маленькая моя... Я обняла одной рукой руку акушерки, другой – малышку и заплакала. Радость бесконечная! Непостижимая! – Спасибо! Спасибо вам...

– Все хорошо моя милая. Все – хорошо. Отдыхай, родимая, а я пока заберу твоё сокровище – тебе надо отдохнуть.

В палате больше не было ни кого. Меня это очень обрадовало – не надо стесняться ни кого.

– Тут тебе продуктов нанесли – в холодильник я все положила. Тетя Зина – пожилая акушерка, жалела всех рожениц и, как могла – старалась помочь, сочувствуя вслух женской доле – не простой. Она открыла занавеску, и палата наполнилась ярким солнечным светом. – Ангел мой, у меня ведь весь кабинет завален цветами и подарками. Тетя Зина покосилась на меня и с лисиним лукавством сделала паузу.

– Это мой муж! Он – приехал? Он обещал приехать! – обрадовалась я.

– Нет, это не твой муж, это – другой мужчина.

– Надо же, отец мой, наверное?

– Нет...

– Ну чего ты, не томи – говори, давай, пожалуйста! – повысив тон, сгорая от не терпения, произнесла я.

– Имени своего он не назвал. Видный такой – в форме – полковник, кажется. На вот, прочти, записка тебе от него.

– Вадим..., опять..., – взяв в руку записку, произнесла я и, не читая, убрала ее в верхний ящик тумбочки.

– Кто это, Вадим? – взволновано спросила акушерка, аккуратно отодвигая в сторону капельницу, на удобное расстояние.

– Теть Зин, я жду мужа – он обещал приехать, когда я рожу! Я очень его жду! Едет, наверное – путь ведь не близкий – поездом может – не знаю. Слезы комом застряли в горле. Не знаю почему. Я очень скучала по мужу и ждала, а любое упоминание о Вадиме было мне в данный момент – ненавистно.

– Что ж ты бьешься, как птица в клетке. Береги себя, девчонка ведь еще совсем, а со своими мужиками позже разберешься.

– Да какими мужиками! Прилип, как банный лист! Нет от него спасения! – закричала я и уткнулась в одеяло.

– Ну – ну...

...Комната в родительской квартире была для меня как клетка, в которой я чувствовала себя очень неудобно, как и прежде. Чувствовала себя обузой – неким возмутителем размерности этого чужого для меня быта. Мой муж приезжал ненадолго, и опять уехал. Дела его – выровнялись, он – морально окреп, и казалось, успокоился. Гуляя с коляской, я вспоминала рассказ Вадима о сомнительном прошлом Сергея, его пристрастиях и прежней любви. После моего появления – в его жизни наступила светлая полоса. Теперь он стал семьянином – понятным для «органов» и командования. Банально – четко по схеме – все это не оставляло места для моих чувств. А были ли они нужны? Ему? Я до сих пор этого не знала. Впервые об этом задумалась, провожая его недавно домой. Задумалась глубоко, отстранившись от эмоций. Все же – нет! Он любит меня! А холодность его, сухость и высокомерие – это так, это – то, что я должна принять! Он такой – какой есть! И ласковым он тоже бывает, правда только тогда, когда выпьет...

Дочурке я посвятила все мое время и внимание. Это было спасением для меня от депрессии и хандры.

Незаметно пролетели два года. Некогда благополучный город – полигон, все более начинал походив на брошенный корабль, на котором каждый теперь выживал, как умел. Сергей все чаще стал приезжать домой нетрезвый. На фоне дефицита, проникшего в наш город и разброда, его ни сколько не волновала проблема, чем кормить семью и как. Безразличие ко мне становилось все более явным и привычным, а я в свою очередь, перестала искать оправдание его поведению, просто жила, растила дочь и заботилась о быте.

Серая масса тоски и одиночества в своей семье – рядом с мужем – угнетали меня все больше. Деньги исчезали, и я не знала – куда. Безденежье – не пугало меня, потому что я жила на стипендию, когда то, но пугало другое – неужели он снова начал играть в преферанс? Тогда все – пропало...

– Анжелика, ты дома? – Маринка, соседка моя, вошла ко мне, без стука, как обычно. – Сейчас Людмила подкатит, давай приготовим что-нибудь, а то пузо свело от голода. Ты одна? А где Сергей?

– Заходи, Марин! Сергей завтра вечером приедет. Иди, сама глянь! У меня, в холодильнике рыба жареная есть! Я – скоро, Надюню домываю! Через некоторое время, я опустила дочурку на пол, с трудом, отмыв ее от краски и зубной пасты. Она с веселым визгом убежала от меня в свою комнату, а я за ней. Сложили на полу кубики и книги, и я ее положила спать. Слушая нашу возню, Маринка накрывала на стол, выкладывая из пакета какую-то снедь.

– Слушай, ну что вы все время меня накормить хотите? Что, совсем плохо выгляжу? Я смеялась и жевала грушу, которую Маринка заставила меня съесть.

– Ну да, глянь на себя, совсем извелась и о чем ты думаешь все время? Вырастим мы твою дочурку, красавица будет, как и ты! Видела, какие у нее ресницы? До бровей! Ангелочек наш!

– Люблю ее больше жизни!

– Вот и люби – ее и хватит о муже грустить. Сейчас Людка подтянется – консилиум соберем, будем решать, что с тобой делать. Слышишь, замок звякнул – иди, встречай свою подругу. Людмила вошла тихо, на цыпочках, и так же бесшумно – закрыла за собой дверь. Оглядев меня, на ходу с ног до головы, она, с видом опытного жоака, повела меня в кухню – взяв уверенно за руку.

– Мы решили тебя отправить на работу. Хватит дома сидеть. Через два дня поедешь с нами на площадку, в управление, – резво присаживаясь к столу, произнесла Людмила.

– А Надюня? – застыв на месте от неожиданности такой, прошептала я.

– Не вопрос, все – решим! Единственная проблема тут – но то же решаемая – вложиться надо – взятку дать.

– Это как? Кому? – не совсем понимая, о чем идет речь, спросила я.

– Ну, что-то купить надо, – вмешалась Маринка. – Для садика! Так всех обдирают. Одни ковры несут, другие кровати.

– А что возьмут с меня? Качели из Надюшкиной комнаты? – засмеялась я. – Не смешно, на самом деле.

Маринка постучала пальцами по столу, взглянула на Людмилу и прошептала: – Есть у нас дядька один, знакомый – снабженец – ты понимаешь? Так он пообещал мне три детских финских унитаза, рулон линолеума и канистру мебельного лака. Я думаю, что с таким подношением не стыдно будет идти к местному царю.

Девчонки развеселили меня не на шутку такой неожиданной для меня темой. Мы хохотали и представляли, как будет выглядеть эта сцена с вручением унитазов.

В назначенный день все было решено и все подписано. Моя дочь торжественно пошла в детский сад, а я уехала с подругами на работу – постигать ремесло распределения материальных средств. Должность «товароведа» в тыле Управления, даже обрадовала. Мне – как музыканту, было вовсе не лишним спуститься с «небес на землю» и засучить рукава. Того требовала реальность. Страна – разваливалась. Муж – пьет. А я – как преподаватель, не была востребована сейчас. Теперь каждый привыкал к новой жизни, и необходимо было срочно нарабатывать другие привычки и умения. Сергей категорически не одобрил наше – с подругами – решение и даже возненавидел мою должность. Его стало раздражать то, что я начала иногда, приносить в дом, то ящик тушенки, то пару батончиков копченой колбасы, то – коробку печени...

– На полках в магазинах – пусто! Где ты все это берешь? Я, надеюсь, ты знаешь, что делаешь? – ворчал Сергей, уплетая при этом, за обе щеки, макароны со свежей тушенкой и бутерброды с сыром и колбасой, по уграм.

– Конечно, знаю! Нашей дочери и нам необходимо полноценное питание. А что я куплю в магазине? Да и беру я все это добро уж не по розничной цене, если ты об этом.

– Ну да! Твой муж – офицер, а не кооператор! Я не умею торговать кроватями из казарм и шинелями со склада!

– Сереж, что с тобой? – остановила я его монолог. Я все знаю и пытаюсь то же что-то сделать для семьи и очень рада, что получается! А почему ты не рад? Я ведь ни разу не упрекнула тебя и, ни разу, ни о чем тебя не просила! Разве до разборок сейчас и до поединков? Времена тяжелые настали! А работу мне эту предложили, а я взяла и не отказалась, ты же знаешь...

– То-то и оно! Ты просто взяла и начала что-то делать – проявлять свои способности! Спасибо тебе! За это!

– Ты злишься или завидуешь? Лучше скажи, зачем ты столько спирта в дом натаскал – десять канистр!

– Пусть стоит, лучше я выпью его сам.

– Ну, уж нет! Я подумаю, что с ним делать...

– Она подумает! Как смешно! Все, я – спать! А ты – как хочешь! Можешь совсем не спать!

— — — — —

Ночь скрыла степь и город непроглядной тьмой, выставляя напоказ красоту совсем светлого неба. Май – самое удивительное время! Цветут в степи тюльпаны, разноцветный ковер из которых – на короткое время радовал глаз и врачевал душу. Все стало родным за не полные три года. Моя жизнь сосредоточена здесь, в этом городе. Прошлого будто бы и не было вовсе... Родители, детство учеба – все в мутном тумане, без четких силуэтов и ярких вспышек – ни следов радости, ни грусти. Замужество изменило меня, а материнство сделало еще сильнее. Любовь, за которой я уехала «на край света», больше напоминала не красивую и романтическую историю с захватывающим началом, а была выстрелом, который убивает. Я чувствовала себя раненой птицей, красивой и гордой – с огромной жадностью улететь, но вынужденной ползти и корчиться от постоянной боли и отчаяния. Силу придавала любовь к дочери, которая держала меня в этой жизни и крепко связывала с ней.

Совсем еще девчонка, я ни чего не понимала, ни в женской мудрости, ни в житейской бабской стойкости. Не имея мужской поддержки, сильного плеча – рядом – во всем, я испытывала острую необходимость рассказать о своих страхах, найти убежище в огромном мире...

— — — — —

...Телефон не отвечал, видимо Людмилы не было дома. – Где же она? Обещала зайти. Сергей, который день, дома не появлялся. Друзей у него близких не было. Где он – трудно было сказать. Он начал ненавидеть меня, а мое присутствие в его жизни – стало мукой для него.

Дочка – заснула, и я задремала, на мягком диване, в ожидании телефонного звонка своей подруги. Сквозь сон я почувствовала, как кто-то легким прикосновением, убрал волосы с моего лба, и я открыла глаза. Людмила сидела рядом, на корточках, с потекшей тушью на глазах и с подобием прически.

– Ты как всегда, оставила открытой входную дверь, – тихо сказала она.

– Людка, я так ждала тебя. Где ты была, я звонила тебе? Что случилось? Ты плакала?

– Все хорошо – звезда моя. А ты как? Малая уже спит?

– Ага, пойдем на кухню – напою тебя чаем, – предложила я и посмотрела на часы. – О, Боже! Два часа ночи! Почему ты бродишь по городу в такое время? Сейчас так опасно стало!

– Я же обещала, что приду. Знала, что ты ждешь. А Сергей где? Видя мой молчаливый отказ отвечать на ее вопрос, Людмила оставила эту тему открытой и присела к столу.

– Что у тебя случилось? Почему ты в таком виде? Что-то дома? – тихо спросила я.

– Да ни чего страшного. Семен пришел, что-то взял и опять ушел. Да ну их! Я решила жить для ребенка, а с мужем – будь что – будет.

– Ага, нам – ли быть в печали. К тому же нашим детям совсем не нужны матери – неврастенички... Я вот, решила спирт весь продать, что дома накопился. Глянь сколько его! Я открыла все дверцы у кухонных тумб и продемонстрировала их содержимое. – Двенадцать канистр!

– Однако! Достойный загашник!

– Спирт, плюс моя зарплата – хватит нам с дочкой. Его деньги меня не интересуют.

– Ну и дура! Он ведь только того и ждет!

– Посчитает нужным – даст! Не хочу просить у него... тошно мне...

...Все выходные мы с Надюшкой резвились вдвоем, а вечером, в воскресенье – нетрезвый, явился Сергей, с золотым кольцом.

– Красивое, спасибо, только не нужно было его покупать, сдержанно произнесла я.

– Прости меня! Я тут забыл, что давно дома не был и не смог вспомнить, сколько дней.

– Ну что ты! С твоими привычками воевать сложно! Да и куда нам, осилить их! Ты ведь так и остался в своем прошлом – там тебе все дорого и понятно, а я и наша дочь – мы есть здесь и сейчас, и смотрим в будущее, потому что у меня, в отличие от тебя – прошлого нет! Видишь, как получается! Надеюсь – ты доволен, что, женившись на мне – решил для себя и закрыл важные проблемы – даже капитана получил! Все на этом, не так ли? Цель – достигнута, больше я – не нужна! Из-за меня ты ненавидишь Вадима Никитина! Всегда зависть вызывает то, чему ты сам не можешь соответствовать, а ту еще такие бонусы – квартира и жена красавица! С таким багажом трудно тебе жить – а «задвинуть» еще труднее! Если нет любви – ни чего быть не может! Все – ничтожно! Ты старше меня почти на десять лет, опытный и важный..., а я – девчонка, которая только училась и книжки читала, да дома в основном сидела. Откуда у меня опыт тягаться с тобой? Но, имей в виду, нет опыта, зато есть – характер! Не радуйся, я – не упаду и выстою!

– Хватит, мне читать лекции, лучше налей, а тоя не усну, – равнодушно вмешался Сергей. Подобные разговоры сильно утомляли его. Надюша – играла и бегала около него, а он даже ни разу не взглянул в ее сторону.

– Я не об этом мечтала!

– А о чем, интересно ты мечтала? Что ты от меня хочешь?

– То, что я хочу – ты все равно ни когда не сможешь мне дать! Ни мне, ни ребенку!

Понедельник. У меня прекрасное настроение. Красные туфельки, белая до колена широкая юбка с широким поясом и белый тонкий топик. Красный не большой бант у выреза на топе и такие же красные клипсы. Распущенные волосы, аккуратно, слегка, собранные на затылке двумя миниатюрными заколками. Моя дочурка – то же в белом воздушном платье с пушистыми кудряшками. Две чудесные феи направились в детский сад – свежие и веселые! Занятые собой – своим маленьким миром, где были только они вдвоем!

Автобус довез до управления – быстро и не заметно для меня. Я старалась не обращать своего внимания на восторженные взгляды, не испытывала особого восторга от такого обожания со стороны посторонних для меня людей. Я продолжала любить мужа, и другие мужчины были мне безразличны.

– Степан Игнатьевич, сообщите, пожалуйста, Сергею Шагеичу: процентовку я сейчас подпишу и передам в столовую, а отчет по вещевому и продовольственному складам – при-

несу к обеду. И пригласите Русанова! Он на своей сегодня или на служебной? – произнесла я, открывая свой кабинет.

– На служебной он! – бодро ответил мне Степан Игнатьевич – дежурный по управлению
– Скажите ему, пусть ждет меня у входа – поедем в главк.

Русанов Андрей Юрьевич, водитель служебной «волги» и автобуса для сотрудников управления – сидел на лавочке у входа и курил. Взяв с собой нужную папку, я закрыла кабинет и вышла на крыльцо.

– Анжелика, я тут подумал – какая нелегкая принесла тебя работать сюда? – разглядывая меня, произнес он.

– А что? Высота моих каблуков не соответствует размеру шага на плацу? – игриво ответила.

– В том то все и дело – смутила ты все это болото! Посмотри на них! Эти люди прошли через «горячую точку». У каждого в арсенале как минимум личная драма, а женщины? Ты знаешь, какие на войне женщины? Отсюда и в семьях у них разлад...

– Да мало у кого сейчас порядок в семье и что ты имеешь в виду? К чему весь этот разговор? – насторожилась я.

– Да то, что будь аккуратнее, народ здесь безбашенный и резкий! И ты тут – такая – вся из себя! Вся чистенькая такая и веселая! Красавица ты моя...

– Андрей Юрьевич, что с вами? Вам плохо? – вскрикнула я, наклоняясь к нему.

Русанов посмотрел на меня как-то странно – как дикий зверь, выжидающий жертву, для которого добыча – это цель и ради этой цели – он готов ждать и терпеть сколько угодно!

Закончив все дела в главке, мы вернулись в управление в полном молчании

Прошло два месяца, как я начала свою трудовую деятельность. У меня все получалось, даже отношения в коллективе меня радовали. Единственное неудобство, накладывающее отпечаток на мою жизнь – внимание мужчин. Генерал, который в свое время помог мне с получением квартиры – неустанно продолжал вмешиваться в мою жизнь – навещал меня на работе визитом вежливости – с цветами и непременно гостинцем, а его «масляные глаза» и слащавая улыбка – все больше угнетали меня. С другой стороны – мне было приятно его покровительство «на глазах у всех». Он считал меня своей «крестницей» и теперь по его высокому мнению, на его чело возлегла обязанность по контролю над моей жизнью.

С мужем отношения вышли на другой уровень. Не заметно для обоих – перешли на деловое общение – без душевного тепла. Я боролась с собой, потому что – хотела любви и любила, а он боролся с собой, потому что – не любил. Росла дочурка, и акценты были четко обозначены. Я продолжала быть с ним, чтобы не разрушить «имидж» благополучия, необходимый мужу, как фундамент для карьерного роста. Сергей все понимал и лицедействовал где – только мог, но всеобщее внимание ко мне со стороны других – не давало ему покоя – он вынужден, находится в тонусе, в постоянном напряжении. Это было забавно и даже – мило, но – терпимо.

Русанов – офицер запаса, оставшийся на полигоне. Славный, высокий и, по всей видимости, ранее очень даже симпатичный мужчина, сохранивший бодрость и позитивное отношение к людям. Кормил меня дынями и дарил забавные безделушки – милые и смешные. Ему было – в радость радовать меня.

– Ну что, Андрей Юрьевич, едем опять – надо документы в главк отвезти. Меня уже ждут, но мы ненадолго, – произнесла я, спускаясь по ступенькам крыльца. – А почему вы на своем «Москвиче»? Что, «Волгу» служебную обменяли на кусок телятины? – смеялась я.

– Давно пора это сделать! В ремонте она – поедем на моей, – пытаюсь затушить сигарету задумчиво произнес он

Я огляделась и увидела неподалеку, в густых кустах, нечто – похожее на служебную машину. Мне, показалось странным, такое очевидное сходство и было не понятно, к чему объ-

яснения о сервисе... Я тут же забыла об этом, потому, как все мое внимание захватила предстоящая встреча в главке и бумаги, которые я везла. Русанов завел машину и мы – уехали. Пересматривая бумаги, я не заметила, как он свернул на объездную дорогу, которая вела в сторону, от города – в степь.

– Андрей Юрич, где это мы? – произнесла я, постепенно вникая в ситуацию.

Русанов – молчал и вел машину, глядя вперед, и на мой вопрос не ответил.

– Эй! Дружок! Что с тобой! Ты бледный, как мел! Куда мы едем? Я уже должна быть на встрече – меня человек ждет!

Русанов – молчал. То ли – живой, то ли не очень – трудно было понять по его каменному лицу. Глаза! Его глаза стали похожи на горящие угли!

– Ты что! Что это ты намерен делать? Я схватила его за рубашку. Ворот натянулся, оторвался карман. Русанов резким движением рванул машину в сторону от дороги. Кругом была только степь и больше ни чего. Я трясла его и пыталась заставить говорить, но он – молчал. Тут машина быстро начала увеличивать скорость. Я билась и кричала до хрипоты! Ему, казалось, было все равно!

– Русанов! Очнись! Что ты делаешь!

– Ты не имеешь права жить! Тебя надо утопить! Сжечь, как заразу! – заревел он не своим голосом.

– Что? Что ты сказал? – задыхаясь от страха, закричала я.

– Я люблю тебя! Ведьму! Но ты ни когда не будешь моей! Понимаешь? Никогда! Я не могу больше выносить это! Я убью тебя, гадину красивую, что бы ты – не досталась ни кому! Ненавижу тебя! Ведьма! Я убью и тебя и себя! Мне уже ни чего не нужно! Я не могу без тебя жить и не хочу!

Мое оцепенение вдруг, в одно мгновение переросло в огромное желание что-то предпринять против этого обезумевшего человека. Я схватила обеими руками руль и всем телом навалилась на Русанова. Машина перед самым обрывом реки Сырдарьи резко повернула влево и в обратную сторону. На огромной скорости, Русанов вдруг начал терять контроль над машиной и через метров пятьсот, сдавленный моим телом, сумел только одно – нажать на тормоз.

Я не знаю, какая степная кочка спасла нас от кувырка, но машина – остановилась. Русанов, подчинившись, отпустил руль... Я – отпрянула от него, как ужаленная. Он – обмяк и закрыл глаза.

– Прости... прости меня, – шептал он.

Я плакала и молчала. Сил не было ни говорить, ни что-либо делать. Около получаса, мы просидели молча.

– Надеюсь, вы в состоянии вести машину?

Русанов вытер потный лоб, не обращая внимания на рваную рубашку – повернул ключ в замке зажигания. Он, вероятно, знал эти места, потому что подобный «вояж» в незнакомое место, привел бы к другим последствиям – мы бы просто заблудились – вокруг ведь не было ни одного ориентира – только река. Он вел машину – жалкий и уставший! Возраст, вдруг всей своей массой навалился на него и проявился в каждом его движении, в выражении лица, в потухших глазах.

Я разглядывала его, надеясь, что он посмотрит в мою сторону. Я очень хотела посмотреть ему в глаза, но он, зная это – так и не повернул голову.

Через некоторое время, мы въехали на территорию управления. Машина Русанова, от жуткого слоя пыли, выглядела так, будто, еще недавно, побывала под вулканическим пепельным «дождем». Я выскочила из нее и побежала к себе – в кабинет. Юбка перекрутилась на мне, с боку лопнул шов на топике и оторванный клапот – повис, привлекая к себе внимание. Мне не было дела до Русанова – как он там, старый дурак! Мне было безразлично! «У меня маленький ребенок, а он – старый пень – чего удумал!» Роем жужжали фразы, очень хотелось кричать

или вернуться и разбить кувалдой всю его машину вместе с ним! А лучше сразу вызвать наряд милиции!

Людмила, тем временем, сидела в своем отделе кадров и что-то печатала. Дежурный ворвался к ней и хрипло закричал:

– Там! Людмила Николаевна! Там...

– Что!

– Анжелика Юрьевна! Она... на ней рваная одежда! Она вся в пыли... у себя в кабинете.

Я обтиралась влажным полотенцем, успела привести в порядок волосы и одела вместо рваной кофточки – футболку, благо хранившуюся у меня в шкафу, на случай уборки.

– Ну и видон у тебя! Людмила ногой выбила дверь в моем кабинете и остановилась. – Ты где была? Что у тебя с лицом? – разглядывая рваный топик, произнесла она.

– Какое лицо! При чем тут лицо! – закричала я.

– А что тогда при чем? Говори! Кто с тобой был? Ты ведь с Русановым уехала!

Я молчала. У меня не было пока желания что-либо ей объяснять.

– Ладно, я за чаем, а ты – жди!

Людмила «растворилась в воздухе», мгновенно, а мне хотелось рухнуть и не вставать – пару дней... Кто-то заходил, потом выходил, что-то говорил и опять выходил. Все управление «гудело». Пыльную машину Русанова уже обсуждали, все кто был рядом. Он, в рваной рубашке – сидел на лавке рядом и курил. Не отвечал на вопросы и не обращал ни на кого внимания.

Сплетни, пересуды, догадки и выдуманные разгадки, подогретые свежим происшествием – ползли за мной шлейфом – туманным и загадочным. Остановить все это – было не возможно. Градус интереса – зашкаливал, а мне только оставалось терпеть все это и предотвращать любую попытку со стороны – скинуть меня с пьедестала порядочной женщины.

Мы с Людмилой любили гулять по маленькому и уютному скверу, украшающему территорию управления, особенно во время обеденного перерыва. Вот и сегодня, после всех злоключений, прошедших со мной, мы – созвонились, и она спустилась ко мне – на первый этаж. Обсуждая последние изменения в кадрах управления – мы вышли на улицу и направились в сквер. У нее – мытые абрикосы, у меня – мытые черешни. Красота!

– Ты не знаешь, почему Русанова уволили? – спросила меня Людмила.

– Что, терпение твое закончилось? Сколько дней не спишь, не ешь? – с иронией в голосе ответила я.

– Это верно! Я – действительно, сгораю от нетерпения и любопытства. Так что давай – рассказывай!

– Уволили, говоришь? Не думаю, что это так.

– Почему? – произнесла Людмила и приостановилась.

– Сам ушел, старый дурак! А лучше бы совсем уехал куда-нибудь – от греха! Так ведь – не уедет же.

– Людмила присела на лавочку и перестала жевать. Она буравила меня своим взглядом и ждала продолжения, не задавая больше вопросов.

– Ну, чего ты смотришь? Убить он хотел и меня и себя, вместе с машиной – в реку с разбега с обрыва!

– Чего? Какой еще разбег у вас был и, причем тут река? Как это – убить?

– Я правду говорю! Когда я рассказывала Людмиле эту историю, она менялась в лице, как светофор на проезжей части.

– Да... ну прямо кино...

– Хуже! В кино хоть знаешь, что это – кино, а тут вот такая реальность. И почему, это все со мной происходит, постоянно...?

– А то не знаешь! Я – не мужик, что бы тебя комплементами сейчас одаривать. Людмила замолчала. Мы обе – замолчали. Доели фрукты, и пошли работать дальше. Прогулка была испорчена, только устали обе. При этом, очень хотелось забрать дочь и сбежать домой.

— — — — —

Прошел месяц, все улеглось и шло своим чередом. Приближались очередные выходные и у Сергея «созрела» идея собрать возможных знакомых в поездку на Сырдарью за раками, тем более – близился чемпионат мира по футболу, и было крайне важно – как он сказал – подготовиться заранее. Пригласив к себе Людмилу с мужем – согласовали – кого мы возьмем с собой. Соседке – Маринке поручили нашу дочь – у нее Петька – постарше на пару лет – вот и отличная компания.

– Я уже устала от этих походов, а ты еще ни разу не была – теперь твоя очередь ехать, а я с детьми посижу. Надоест им у нас – к вам придем! – смеялась она.

В назначенный день, Людмила привела своего мужа Семена – редкого зануду. Человек «ох», я его так называла. Он все время «охал» и всегда заранее знал о том, что любое дело – все равно не получится. И только служебные инструкции и правила внушали ему доверие. Пришли Алатарцев Сергей со своей будущей женой Мариной.

– Люд, какой кошмар! Такое ощущение, что у нас в городе собрались одни «Серегы», – прошептала я.

– Да не говори. А где Валентин с Ольгой?

– Они у подъезда – смотри – стоят, докуривают, – ответила я, выходя на балкон. – Эй! Военные! Стойте там! Мы выходим!

– Ну, шобла собралась, – хохотала Маринка, забирая детей. – Один другого – лучше.

– Завидуй и сиди, жди нас с добычей! А мы тебе раков привезем, – Алатарцев не много заикаясь, пытался подбодрить ее.

На двух машинах мы отправились готовиться к футболу. Всю дорогу галдели как дети – кто кого перекричит! Мальчишки, конечно же, пытались быть рыцарями и всячески спорили о своих достоинствах. Так и доехали.

– Эх, красота, какая! Ребятки! – крикнула я, не в силах сдержать свой восторг.

Машины поставили на берегу не большой протоки Сырдарьи – илистого и мелкого «рукава», на дне которого, если верить Алатарцеву – «живут отзывчивые раки, которые просто мечтают быть пойманными и съеденными под пиво». Он для таких путешествий даже «брeдeнь» держал.

– Хочу увидеть бредень! – капризничала я от нетерпения. – Что это за ловушка для раков? Я подошла к Алатарцеву и решила помочь ему распаковать армейскую сумку. То, что я увидела – удивило меня еще больше. Оказывается «брeдeнь» – это простая сеть! – Вот это да! А я думала, что это водяное ружье с видеокамерой для подводной съемки! – разгорячилась я от чудесного настроения, а Алатарцев заливался от смеха, слушая меня.

Мальчишки, собравшись, стали готовить снасть, а девчонки, тем временем, уже во всю – грели животики на солнце: кто под широкополой шляпой, кто под зонтом. Недалеко от нас – паслись верблюды и овцы. Их сопровождали два паренька – казаха – умелых и ловких, и стая собак.

– Они совсем другие – не такие, как мы, – произнесла задумчиво я.

– Ну да, особенно внешне! – захохотала Марина.

– Слушай! А свадьба у вас когда? – спросила я.

– В октябре. Только попробуйте не прийти. И еще – пирог с тебя, огромный – можно два, и обязательно – холодец!

– Куда тебе два пирога! Лопнет свадебное платье! – хохотала я.

– Не лопнет. Я все молнии расстегну, но пирогов твоих – наемся!

– Один раз можно себе позволить вот так нагло обожраться, особенно если это твоя собственная свадьба! Правда, Марин? – вступила в наш диалог Ольга, еще, немного посмаковав тему «полноты и худобы». За то все долго смеялись. – Девчонки, гляньте! На мужчин наших! Ох, как хороши! Ольга питала «особую» страсть к «семейным» трусам и широким шортам, что, впрочем, мы все единодушно подняли на смех, глядя на своих мужчин, которые будто сговорившись, решили нам «угодить» своим внешним видом.

– И как они будут их ловить? – мучил меня вопрос.

– Смотри! – остановила меня Ольга. Все – замолчали и обернулись. Наши мужчины, разделившись парами, встали по разные стороны протоки и, натянув бредень, как то странно протащили его по илистому дну. К нему, по всей его длине, прицепилась целая армия раков.

– С ума сойти! – закричала я. – И это все?

– Да, это все! – ответила Людмила, с долей напускной важности. – Где еще такое увидишь!

– Смотрите, сколько их! Девчонки, идите помогать!

– Нет от тебя, Алатарцев, покоя! Сами справитесь! Видишь – вода в ведре, почти закипела – это наша лепта в общее дело, а дальше вы сами! – не унималась Людмила.

Вскоре, полное ведро раков – закипело и удивительный запах тины и лаврового листа – разбудил аппетит и нетерпение, распространившееся на всех.

– Спасибо, мальчики! – поблагодарила я. – Это просто чудо какое-то. Все так быстро и почти стерильно!

– Валентин, ты только посмотри, какую жену себе Серега Максимов урвал, – вальяжно произнесла Ольга. – Клеопатра, в чистом виде! Ты, говорят, музыкантша? – обратилась она ко мне. – С нехилым голосом! Споешь? Пожалуйста, очень тебя прошу! А я – подыграю.

– Оль, ты чего пристала? Тоже мне, время нашла, – возмутилась Людмила.

– А что еще говорят? – спросила я.

– Да разное, а тебе – не все ли равно? – уверенно прекратила эту тему Ольга. Мы познакомились сегодня, и она не сводила с меня глаз. – И че ты нашла в этих мальчиках? Давай, к нам, к девочкам!

Валентин подошел к ней и поцеловал. Но она его отпихнула, изображая презрение – встала и пошла плавной походкой к машинам. Все, молча, наблюдали за ней и за мной. Когда Ольга достала из салона гитару, я – оживилась и захлопала в ладоши. Я так давно не пела под гитару! Об Ольге я больше не думала, хотя Валентин позже попытался ее приструнить – но тщетно. Она взяла в руки гитару и гитара – запела, выводя незатейливую импровизацию.

– Ну что, давай споем?

– Давай! – присаживаясь удобнее, произнесла я. – Ты песни Зацепина знаешь?

– Не припомню, так вот – сразу. Начни, а я подпою и подыграю.

Я – запела – любимую – из кинофильма «Земля Санникова»... наслаждаясь музыкальным шедевром, своим голосом и умелой игрой Ольги. Все замерли и слушали.

– Вот это голос! – не скрывая восхищения, произнесла Ольга. – Сокровище! Я же говорю – бросай ты этих мальчиков.

– Я не совсем понимаю – о чем ты, – произнесла я, поворачиваясь к ней спиной.

Вопрос был снят сам собой после моего явного отказа от продолжения разговора на эту тему. Все свои нападки и внимание, Ольга вновь обратила на Валентина, чувствуя полную безнаказанность.

Не много понежившись, мы отправились с Людмилой прогуляться, а Ольга с Мариной – продолжили увлеченно обсуждать мужчин. Мне совсем не хотелось в этом участвовать – как и Людмиле.

– Она, не много, странная, – произнесла я, обернувшись в сторону компании.

– Кто? Ольга? – заинтересовалась Людмила. – Лесбиянка она, а Валька – дурак, пытается своей сутью изменить ее суть.

– И как? Получается?

– Не очень. Забавляется она и на поводке его выгуливает, когда ей вздумается.

– Красивая девчонка – эта Ольга...

– Да..., с изюминкой. Ты – аккуратней с ней – понравилась ты ей.

– Тьфу, ты! Прекрати!

– Я не шучу, – ответила Людмила, глядя мне в глаза.

Отдых получился просто отличный. Всех раков – три мешка – отвезли Валентину. У него нет детей, а, значит, безопасность и сохранность ценной добычи была гарантирована.

– Ребята! Завтра всех жду у себя! Чимкентского пива, пару канистр – то же купим завтра! – весело, прощаясь с нами, произнес Валентин.

Маринка уложила детей спать и сидела у нас – читала журналы. Дверь, как всегда – была открыта.

– Мать, это мы, – Сергей – шепотом, окликнул ее. – Как вы тут?

– Отлично. Дети – спят. А где мои раки?

– Вот, смотри, это – тебе – честно заработала. Сергей – шутил и острил – отдохнувший и довольный. В такие моменты его мозг уступал права удовольствиям, что всегда накладывало отпечаток на его поведение. Маринка, не задерживаясь, забрала трофей и убежала отдыхать, расцеловав нас обоих на прощание.

– Мыться и спать – срочно, – продолжал вершить порядок Сергей, собираясь в душ. – Ты – следующая!

... – Алатарцев, у тебя есть совесть? А? Время – девять утра! Я только что покормила дочь и очень хочу еще поспать. Сергей еще спит.

Он купил пива, с утра пораньше и ему захотелось сообщить об этом всей компании. – Досыпай, соня! Потом берете малую и к нам. Ты же знаешь Валентина – ему нельзя надолго оставлять съестное. Слопает все – зараза такая и Ольга его – не лучше.

– Отстань от меня со своими раками, очень тебя прошу! И только попробуйте нам не оставить – пойдете ловить еще! – прорычала я и положила трубку.

Валентин был радушен. Его маленькая «двушка» в пятиэтажном доме – была похожа на банку с жуками – ленивыми и сонными. Надюшка сразу увлеклась Ольгиным трехлетним Витюшей, устроив целое представление перед нами. Мужчины с Ольгой прилипли к телевизору, а нам с Людмилой была определена более ответственная миссия – раки – с мойкой и варкой. Сказка из кучи раков в двух ведрах – обворожила наших малышек. Сколько восторга и радости от впечатлений.

Ванна, полная раков – уменьшалась на глазах, а с нашими языками начало происходить что-то невероятное – они опухли и разговаривать становилось все сложнее. Смешная и невнятная речь вызвала у нас массу восторга. Все шутили и смеялись друг над другом – как дети.

– Анжел, а ты почему так мало ешь? – Алатарцев ни на минуту не выпускал меня из зоны видимости. – Язык твой отбился от коллектива!

– Обожаю, твой юмор и чистую душу! – искренне произнесла я, глядя на него, отмечая для себя, в который раз, все достоинства его характера. – А вот язык мой – не трогай! Я берегу я его! Посмотри на остальных – еле скулами ворочают! Мы смеялись. Я сидела на полу, а дети ползали по мне, как хотели.

– Глянь, как они тебя обхаживают – больше ни к кому не идут! – продолжал он.

– Обожаю детишек! С ними так весело и спокойно, – убирая со своего лица ноги дочери, произнесла я и завалилась на спину. На меня тут же навалились два пупса – Надюшка

и Витюшка. Хохот и писк, и бесконечная радость надежно обосновалась около нас, вопреки и футболу и вареным ракам.

– Алатарцев, иди к людям! А нам тут без вас хорошо! И пива мне не надо – не хочу я его, честно! Ну чего ты так смотришь? Мне даже неловко! Не смущай меня и срочно уходи к своей Маринке, видишь – нам не до тебя!

Встречи с друзьями на полигоне – особый вид развлечений, да и то – с оглядкой. В закрытом и режимном городе – сложно было организовать досуг, соблюдая абсолютно все этические, моральные и «режимные» нормы.

— — — — —

Наступила зима – особая – почти бесснежная, с лютыми ветрами и сильными морозами. Прилавки в магазинах опустели – продуктовый дефицит достиг своего апогея. Сгущенное молоко и картофель – больше ничего... Тяжелое наступило время – смутное и малопонятное, для простых людей, живущих на полигоне.

– Что будет дальше? Мы тут – в тыле – хоть что – то можем добыть, – грустно рассуждала Людмила. – Ты там это, если что – имей меня в виду. Может все – таки мясо выкинут на складе или сухое молоко? И вообще, как пережить зиму? Летом хоть овощи и фрукты появляются на базаре, а сейчас?

– Конечно, Люд! Как иначе! Только поставок все меньше – каждый день думаем, чем солдат кормить и офицеров.

– Говорят, что на дальних площадках оружие офицерам выдавать будут – боятся, каких-то бунтов.

– О чем ты? Сергей ни чего мне не рассказывал, – ответила я, стоя у окна с чашкой Людкиного чая, наблюдая за обстановкой около управления.

– Я о стройбате. Кто-то, якобы, занимается подстрекательством против нас, русских. Типа мы – оккупанты и все такое. В этих батальонах, насколько я знаю – русских нет. А еще говорят, что эти ребята – голодают и от этого напасть готовы на кого угодно. Спроси своего, а то от Семена ни чего не добьешься – может, расскажет тебе что-нибудь. А то тревожно, что-то.

– Ладно, носительница тайн на хвосте. Ты торгуешь ими или как? Разговор и настрожил меня и вызвал иронию. Смеяться над тем, о чем говорила моя подруга было даже неуместно, тем более, что Людмила, всегда была откровенна со мной. Но ее мнительность и слепое доверие слухам было не что иное, как результат постепенного ускользания веры в светлое будущее и надежность, о которой нам много лет говорили. Мой муж готовился к запуску, а перемены, накрывшие закрытый «рай», старался со мной не обсуждать.

– Пойдем! Там, у Абинякина – нашего начальника политотдела – юбилей. Забыла?

– Люд, если честно – да, забыла. Мне через два часа надо дочку забирать из садика – не до юбилея мне – настроения нет.

– Пойдем, ненадолго. Не заставляй напоминать тебе о том, что вежливость – основа успешного общения, ты же знаешь.

Весь кадровый состав управления сосредоточился в актовом зале. Собрали на стол все, что смогли. Но ни кто даже не заострил свое внимание на скудности закуски и выпивки. Радовались успехам и достижениям, как и прежде – забывая о тревогах и тяготах обрушившихся на всех без исключения.

– А вот и наши подружки! Девочки, как же мы без вас – ни как! Абинякин был бодр и общителен, что не было характерно для него.

Начальник управления поднял руку, требуя внимания: – Друзья мои и сослуживцы! – торжественно начал он. – У нашего юбиляра сегодня целых три причины для радости! О первой не сложно догадаться, а вот вторая и третья – я уверен – будет сюрпризом для него и для всех, кто пришел поздравить его. Сегодня приказом начальника полигона, наш уважаемый Алек-

сандр Васильевич, назначен на должность командира вверенной мне воинской части. С присвоением звания «полковник»! Искренне поздравляю тебя, юбиляр! Держись! А со всем остальным мы справимся – вон нас сколько! А если растеряешься в чем – поможем!

В зале раздалось массовое «ура» и аплодисменты. Абинякин, сначала действительно растерялся, трогательно – не много по-детски, а затем, с напускной важностью павлина, начал обход всех присутствующих, собирая в свои закрома поздравления и подарки.

Приятный момент! Успех отдельно взятого человека – радовал не только его, но и всех присутствующих в зале. Юбиляр – мирный и доброжелательный, умеющий и с начальством опытом поделиться и с подчиненными – без пафоса и надменности. Он – толковый управленец, умеющий снимать риски и в ведении воинского хозяйства, и в общении с разношерстной публикой, живущей и работающей в огромном хозяйстве управления. За это и ценили его, и доверяли. А вот как он попал на должность политрука – ни кто толком не знал – видимо, так было кому-то нужно.

– Анжелика! Теперь вы будете работать под моим прямым руководством, вы в курсе? – произнес юбиляр, загадочно, улыбаясь.

– Ну как же, я уже догадалась об этом! – засмеялась я, разгоряченная застольем.

– Завтра жду вас у себя, с утра. Расскажите мне – что, да – как, и отчеты за последний год захватите с собой.

– Как угодно – договорились, – ответила я, разыскивая глазами Людмилу. – Извините, но мне пора ехать домой. Хорошего отдыха, вы это заслужили!

Утром следующего дня на меня накатила тревога. Я не могла понять от чего дрожь в ногах и из рук все валится. Сергей приготовил кофе. Надюшка – одетая к садику – маялась, в ожидании, а я будто не замечала их.

– Да что же это такое! Не пойму я – ты сама – не своя! Бледная такая, что-то случилось? – заметил мое состояние муж.

– Не знаю, очень странно, но я впервые не хочу идти на работу... больше ни чего. Останавливает что-то.

– Да брось, все нормально. Половина вашего народа точно сегодня будет отсыпаться после вчерашнего чаепития со спиртом. Так что – пей кофе и настройся на вальяжный день.

– Ладно, заканчиваем собираться и по коням. На автобус главное успеть, благо – садик за углом.

– Ну да. Сергей был спокоен и разглядывал меня с интересом «самца».

– Перестань! Слышишь? – смутилась я

– Угораздило же меня жениться на такой красивой девушке...

Я, молча, опустила глаза, взяла за руку ребенка и вместе мы направились в прихожую.

В управлении действительно почти ни кого не было – муж оказался прав. Открывая свой кабинет, я – вспомнила, что новый командир части, вчерашний юбиляр, хотел меня видеть и прямо с утра.

– О, Господи! Надо идти... Я взяла со стола все нужное и отправилась к нему.

– Александр Васильевич, позвольте войти? – произнесла я и вошла, не дожидаясь приглашения.

– Заходи, милая! Он был старше меня лет на двадцать, с залысынами и полнотой, которая лишь добавляла ему солидности, но не портила. Он стоял у окна и просматривал свои записи в блокноте, но после моего появления сразу утратил интерес к чтению и перевел свой взгляд на меня.

– Ну как вы себя ощущаете в новой должности и при трех звездах?

– Дай-ка, я на тебя посмотрю, – будто не слыша меня, сказал он. – Да... Хороша, бестия!

Возмутительница спокойствия!

– Не понимаю вас? – бледнея, ответила я.

– Ты же знаешь, что у нас город маленький и все друг о друге все знают и хуже, чем в деревне – сплетничают, как нормальные люди!

– Вы меня пригласили для того, что бы рассказать об этом? Если – да, то не трудитесь! К великой своей радости, я успела это заметить – и даже не вчера!

– Появление такой барышни в любом месте географического пространства – вызовет интерес, и, прошу заметить, интерес этот будет с разными намерениями, поступками и последствиями от этих поступков.

– Прошу прощения, но я не хочу продолжать этот разговор, и пришла к вам сейчас не для этого. Вы пригласили меня вчера! Зачем?

– Не горячись, я не злобно, а по-свойски... Русанова, ты погубила! В овощ его превратила, а ведь он крепкий мужик и ни когда не был волокитой! Значит, все для него было более чем серьезно!

Я, молча, взяла со стола принесенную мною папку и хотела уже уйти, но Абинякин – остановил меня – перегородив дорогу собой.

– Я хочу общаться с тобой. Не могу отказать себе в этом желании – прости, что так откровенно!

Я, оттолкнув его к стене, вышла из кабинета и побежала по коридору, потом по широкой лестнице на первый этаж. Я задыхалась от тошнотворного воздуха, в котором вопреки постоянной духоте и затхлости, струился и находил для себя место – запах свежести – запах моих духов – некий шлейф моего присутствия! Мне показалось вдруг, что из каждого кабинета тянутся руки – липкие, влажные – в надежде вцепиться в меня и прилипнуть к моему телу, к моим волосам... Взгляды, улыбки – от всего этого тошнило и начало вызывать только одно – желание срочно принять душ! Смыть все это и забыть!

— — — — —

... Не задаваясь вопросами, как я и где, и что со мной происходит, Сергей между тем – пил меньше и реже – пытался бороться с собой, с приятелями, которые заманивали его постоянно на карточные турниры с плавным переходом в потребление спирта. Часто вспоминал Вадима Никитина. С его слов – они общались, поддерживали отношения, в основном по работе. Сергей чувствовал неловкость передо мной. Наше чудесное переселение в новую квартиру не давало ему покоя. А о моем поступке в штабе полигона, с вызывающим зависть, предложением – он узнал от Вадима, который, оказалось, был в тесной связке с генералом. Шила в мешке не утаишь, со временем он узнал о происшедшем в ту пору со мной во всех деталях и, не смотря на то, что я всячески старалась избегать в разговорах с ним эту тему – ревновал, очень странной ревностью. Замыкался всякий раз, как «посыльный» с пожеланиями и приветом от генерала – появлялся в дверях нашей квартиры.

— — — — —

Заканчивался май. Все больше становилось «сухих» дней и все жарче они были. Надо было срочно, до жары, отправить дочь к родителям в Подмосковье. Я купила билет на самолет, воспользовавшись, в очередной раз, бронью, которую для меня так любезно, организовал Вадим. Очередь на один единственный рейс, летающий в Москву по пятницам и один раз в день, была огромной. Все, кто мог, стремился вывезти детей – подальше, от надвигающегося жары, песчаных бурь и огромного количества ядовитых насекомых, которые были повсюду, с мая по октябрь: фаланги, скорпионы, выползающие даже в мойки по утрам.

Отпросившись у командира, я увезла Надюню и, через два дня вернулась обратно – с чувством выполненного долга. Муж меня встречал с Алатарцевым. Оба балагурили и рады были моему возвращению.

– Мать, ты представляешь, наш старый друг – великий заправщик космических агрегатов – женится, наконец! – объявил Сергей.

– Алатарцев, ты опять женишься? В который раз я это слышу? – удивилась я, не в силах сдержать смех и иронию.

– Я, конечно! Анжелика, ты не представляешь, как рада Марина – наконец-то, я позволил себя заарканить!

– Вот это да! И когда? Вы столько раз отменяли все, а потом я слышала какой-то невнятный лепет о веских причинах, – продолжала сомневаться я.

– Через две недели мы расписываемся! Здесь!

– Ну, слава Богу! Я так рада за вас. Ведь ты крутила-воротила – еще та! Бедная Марина! Мы – смеялись, обсуждали подробности этого события и незаметно приехали домой.

– Пусто без Надюшки, но и по-другому – нельзя – слишком все серьезно, да и не спокойно здесь становится, – с грустью в голосе произнес Алатарцев, оглядывая ее комнату. Он невзначай коснулся той темы, о которой я все время хотела поговорить, но забывала.

– Что ты имел в виду? – заинтересовалась я.

– Да стройбатовцы задумали не доброе..., а нам командование – лекции читает о возможных бунтах на национальной почве и их, яко бы – ущемлениях и голодовках. Как будто ущемления происходят от нас, рядовых офицеров. Плутводство, какое-то.

– Вот это да! Неужели это правда? Людмила недавно об этом упоминала.

– Анжел, еще какая, правда! Может случиться так, что в один прекрасный день, твой муж приедет домой с оружием!

– Как хорошо, что я ребенка увезла... Ужас...

– Не то слово! Алатарцев открыл окно и закурил. – Есть все основания полагать, что этот бунт начнется с той площадки, на которой ты работаешь и Людмила. Она – самая ближняя к городу. И именно в области вашего управления – этих людей больше всего.

– Подумать только, – заламывая пальцы, произнесла я.

– В общем, ребятки, дружно готовимся к моей свадьбе, а остальное – по факту! Алатарцев, как великий гуманист, вовремя перевел разговор в нужную колею, и всем сразу захотелось кофе, который я бережно привезла с собой, как великий дефицит.

– Что же вам подарить? – раскладывая на столе салфетки и приборы, спросила я.

– «Бочку варенья и корзину печенья»! – загремел красивым баритоном Алатарцев. – Что бы жизнь моя стала, как в сказке. А если честно – не надо мне подарков, главное, что бы вы пришли, а остальное сведем к приготовлению пирога и холодца, помнишь, Маринка тебя просила? Если не сложно, конечно...

Дворец бракосочетаний утопал в солнечных утренних лучах, шарах и музыке. Субботний день предвещал давно ожидаемое всеми присутствующими, рождение новой семьи. Огромный зал с колоннами и большим, белым столом – встретил нашу компанию скрипичной музыкой. Улыбающаяся женщина, средних лет, пригласила всех к церемонии. Мой муж был назначен свидетелем Алатарцева, по его высочайшему желанию, а Ольга – Марины. Родители, сослуживцы – все как у людей. Волнение нахлынуло, слезы на глазах, цветы, Мендельсон!

– Надо же, подумать только – чувствуешь себя таким прашуром, у которого уже все позади, – шептал мой муж. Я «светилась» от радости за них. Приятно было покупать цветы для этого вечного мальчишки и Маринки, которые похожи были сейчас на будущих пионеров перед присягой. Забавно.

– Ой, они целуются! Все! Ура...! – закричала я, но мой голос уже растворился в гомоне и криках окружавших меня друзей и знакомых.

– Ну что, окольцованные! Как ощущения? – спросила я

– Анжелика, если честно, то я не знаю во что я вляпался! – с улыбкой Алена Делона ответил Алатарцев, но Маринка – хорошая девчонка и это успокаивает.

Мы редко навещали их, потому что всегда казалось, что Марина крайне щепетильно относится к друзьям своего, теперь уже – мужа и к их женам. Страх потерять Алатарцева, прослеживался даже в ее манере все время поправлять свои роговые очки. Дурнушка с добрейшей душой и Алатарцев – высоченный «гусар» – киношный типаж, удалого разухабистого щеголя. Мезальянс, казалось бы – внешний, но на любое противоречие всегда есть своя закономерность и состояла она в данном случае в том, что душа Алатарцева очень была похожа на Маринкину внешность. Это их очень сближало. Копюшась в своих комплексах, они всегда находили точки соприкосновения и смотрели на мир в четыре глаза и в одном направлении – как мне казалось.

Застолье после церемонии состоялось на квартире у Алатарцева. Большая «двушка» в новостройке, такая же, как у нас – вместила всех приглашенных. Мы с Людмилой пытались управлять торжеством – экспромтом, в духе нашей дружбы. Кто танцевал, кто пел и музицировал на гитаре. Много курили и болтали о будущем

Алатарцев на некоторое время «ушел в себя» – сидел за столом и что-то писал карандашом на тетрадном листке. Марину обхаживали родители Сергея и ее родня. Людмила – растапа, пролила на мое алое шифоновое платье компот и устроила возню с солью и салфетками.

– Слушай, а где ты купила такое платье? – спросила она, собирая на совок остатки соли.

– Есть такой магазин в Москве – ЦУМ называется – там и купила, – игриво ответила я.

– В нем ты похожа на птицу... как же оно тебе идет! Сама жгучая такая и вдруг алый цвет... Людмила бросила веник в угол и взяла в руки фужер. – Предлагаю выпить – за нас и нашу дружбу в этих чудесных песках! Она выпила до дна и захохотала над какой-то чепухой, о которой внезапно вспомнила. А я начала высмеивать нашу неповоротливость и разлитый компот на мое платье.

– Анжелика, я так хочу курить – не могу больше терпеть! Пойдем со мной, пока Семен не видит. Не замеченные ни кем, мы вышли на балкон. Теневая сторона. Блаженство после кондиционера – будто в духовой шкаф погреться зашли.

Через некоторое время, в балконных дверях появилось добрейшее лицо Алатарцева. – Ага! Вот вы где! А ну – брысь за стол! Потеряли мы вас, девушки. Не уважаете вы меня совсем!

Пришлось подчиниться и мы друг за другом вернулись к столу. Новоиспеченный муж – поднял руку и попросил внимания, с трудом удерживая равновесие от излишне выпитого. Кто замолчал, а кто даже не услышал и продолжил, и петь, и танцевать. Он развернул тетрадный лист и торжественно начал читать – с жестами и выразительно – то ли «Оду», то ли признание – в стихах! Из всего текста я, занятая разговорами с Людмилой, успела уловить только последнюю строку: «Богиня Анжелика – в ночи!»

Мы с Людмилой переглянулись. За столом наступила короткая пауза, после чего такое началось! К нам – обходя соседние стулья, стремительно подошел мой муж и резко отодвинул Людмилу в сторону. После этого, взял меня за руку и потащил к выходу, при этом, я едва успела сорвать с вешалки свою сумочку.

Вся сцена с нашим исчезновением прошла на удивление быстро. Хмельные гости едва сообразили, что произошло, и только это, уходя, я успела заметить. Ужас сковал мое тело и мозг. Я чувствовала, что теряю способность и двигаться, и думать, и говорить.

Был уже поздний вечер. Сергей уложил меня в постель и приглушил ночник. Засыпая, я испытывала огромную благодарность мужу за редкую заботу и внимание, и не меньшую благодарность к Людмиле, которая умудрилась напоить меня красным вином, благодаря которому я улетала сейчас в бесконечно – желанные для меня просторы сновидений.

— — — — —

Раскинув в стороны руки, не открывая глаз, я нежилась в уютной постели и наслаждалась покоем. Шелковое черное постельное белье, прохладное и легкое, приятно обволакивало мое тело, волосы волнами струились по большой подушке. Где я? На небе или на земле?

Я открыла глаза. По стройной ноге скользил солнечный луч. Аромат жасмина, нежный запах, был частью меня! Прозрачные руки утопали в нежности шелка... Моя, едва прикрытая нагота – не смущала меня... ни сколько.

Я одна, в пустой квартире. Сергей, видимо, уехал рано утром. На столике – лист бумаги с посланием..., наверное, от него. Что в нем? Читать – не читать? Нет, не буду... потом! Все – потом!

Широкая чашка прозрачного коричневого стекла – полная клубники. Это – мне..., несомненно, эти ягоды приготовил для меня мой муж! ...Какое красивое утро, и какое счастье, что ни кого нет, ни кто не тревожит меня сейчас!

Послание от мужа на журнальном столике – манило к себе, но я не решалась приблизиться к нему – не решалась прочесть. И все же – что там? Разогревая свое любопытство, я вдруг разозлилась – злостью оцетинившийся кошки. Захотелось смять его, не читая или – сжечь. Именно – сжечь! Как сжигают все тайное и опасное!

Оставив в покое мысли о муже, я встала с постели и плотно задвинула шторы. Мрак и покой стали все гуще – как я и хотела. «Лунная соната», как зов из параллельного измерения – увлекла за собой в забытое – былое. Сколько вопросов, оставшихся без ответа! Сколько всего причудливого и не понятного окружает меня – постоянно и удивляет все сильнее!

— — — — —

Я обернулась на звук закрывающейся двери и чих-то неторопливых шагов. Людмила, улыбаясь, приближалась ко мне – все ближе и ближе. Мне пришлось вернуться в реальную жизнь – проснуться, осознавая присутствие другого человека совсем рядом со мной. Сон – закончился. Пора...

Красивая и свежая, явно в хорошем расположении духа, Людмила поздоровалась со мной и протянула пакет с чем-то, видимо к чаю.

– Ну, конечно, кто бы сомневался в том, что ты придешь с пустыми руками! Что у тебя в пакете? Я так голодна, что даже клубники не хочу!

– Как ты, моя нимфа? Выспаться удалось?

– Еще как! Глянь – почти двенадцать, а я приняла вертикальное положение десять минут назад!

– О, клубничка! Твой принес?

– Ага, приятно так – проснуться, а тут тебе сразу проявление мужской заботы, – произнесла я, пробуя бордовую и спелую ягоду, следуя за Людмилой в кухню – туда, где она сразу же начала хлопотать и напевать свою любимую песню «о медведях» из «Кавказской пленницы». – Я смотрю, ты – то же Зацепина уважаешь?

– Да, есть такое дело, – заглядывая в сахарницу, ответила Людмила.

Я присела к столу и положила на руки подбородок. – Вот ведь, какая ты! Знаешь, что я сгораю от нетерпения, а ты? Что вчера было – потом, когда мы ушли?

– Я вот думаю, – отвлеченно, разглядывая меня, произнесла Людмила. – Куда тебя спрятать так, чтобы не нашли? Так ведь найдут же, демоны! Сразу бы люди зажили спокойно. Прав был Русанов – утопил бы тебя тогда и сразу бы у всех мозг на место встал.

– Спасибо, тебе, подруга..., не получится, сама понимаешь, «Планида у меня такая!»

– Причем тут это? – закричала Людмила, с яростью бросив в мойку нож.

– Да притом! С детства у меня все так! Когда мне было пять – моему жениху – тридцать два! – закричала я. – Ходил и подарки дарил! Родителей моих посещал и повторял им, чтобы берегли, а он будет растить меня для себя! И не только это! Масса еще всего было и похлеще!

Людмила замолчала и стала доставать сигареты из сумочки. – Алатарцев – идиот, туда же! Ты знаешь, что вчера было? Нет, не знаешь! У тебя вон Бетховен с утра и клубничка! – бросив пачку сигарет на стол, продолжила она. – Он хотел убежать за вами, а Маринка перекрыла ему своим телом проход и руками за косяк вцепилась и слезы у нее градом по щекам. Он весь вечер на полу потом просидел в коридоре. Вот и представь теперь – какое «амбре» у вашей дружбы! Анжелика, а ведь это была свадьба!

Я молчала и кивала – в полной прострации. – А о его симпатиях – понятия не имела.

– Да, для всех это был сюрприз! Такой вот свадебный компот получился! Надо же, в дурном сне такое не встретишь! Стихи чужой жене читать – на своей собственной свадьбе.

– Хоть из дома не выходи, – все больше мрачнела я.

– Помолчи лучше.

На семейных посиделках с Алатарцевыми мы больше не встречались. Сергея – видела, иногда, рядом со своим мужем, когда они с работы возвращались, да забежал он, так же, иногда – по делу. Если собирались у нас, Алатарцев, все равно приходил – но один и вел себя так, будто и не было ни чего, избегая смотреть на меня и говорить со мной.

В один из вечеров – вскоре, после произошедшего на свадьбе, я пришла домой, уставшая и озабоченная мыслями об организации переучета, коим любезно приковал меня сильнее к рабочему месту новый командир части. Чужие ботинки небрежно валялись в прихожей рядом с ботинками мужа. – Эй, вы! Кто тут у нас?

– Анжелика, это мы – у нас тут продолжение культурной программы. Мой муж и Алатарцев – шальные и хмельные – сидели в моей кухне. – Чего ты засуетилась? Иди к нам! Выпей с нами!

– Нет, не буду я с вами сидеть. Завтра трудный день и мне хочется отдохнуть. А вы тут что хотите – делайте, только не шумите, а то выгоню – обоих!

– Ты слышал, Серега, что твоя жена сказала – не зудеть и не жужжать! Вон, в углу, мухобойка висит – зажужжишь и она тебя – хлоп! И все! Пропал офицер Советской армии!

– Моя жена? А где она? Нет ее, тебе померещилось!

– Это тебе, пьянь ты, гидролизная – померещилось! Слушай, а зачем тебе Анжелика? А? У тебя же балерина есть! Ты че ей ответил?

– Да тише ты, – зашипел мой муж.

– А... скрываешь от нее... ну да, конечно! Так тебе удобно. А ты расскажи жене – от кого ты письма получаешь.

– Да мне и за деньги ни кто не нужен! Любовь вся эта – бредятина! Шурка – да – пишет мне на «часть», я так захотел! Ну и что?

– А Анжелика в это время пироги тебе печет, встречать ходит тебя к «мотовозу», дочь тебе родила – зачем?

– Не мешай мне – тебе не понять. Я теперь многоженец! Одна жена проблемы мои собой закрывает, а другая жена – обещает... а че она обещает? Да ни че! Я люблю – Шурку и Анжелку – люблю!

– Чудак ты на букву «М», редкий ты циник. Ну, надо же так нажраться! – сокрушался и мял свое лицо Алатарцев

Я слышала весь этот разговор – «пьяный бред» и плакала – тихо – тихо. Впервые я пожалела, что не курю... – закурила бы. Вдруг удар огромной силы – выбил мою входную дверь. Я, в ночной рубашке, выбежала в коридор – Абинякин? О, Господи! И то же – пьяный! Что вам угодно, Александр Васильевич?

– Где твой муж? – шатаясь и икая, произнес он. Резким движением руки отбросил меня в сторону. С трудом удерживая равновесие, это грузное чудовище – разгоряченное и злое, как вепрь – направилось в кухню, пачкая ботинками ковровую дорожку.

Мне захотелось провалиться сквозь землю, но сил от страха, хватило только на то, что бы сползти по стене на колени. Соседкина голова показалась в проеме перекошенной двери, и я увидела ее взгляд – еще более перепуганный, чем мой.

– У тебя тут шум какой-то, страшный, дверь сломана – глянь! Ты в порядке?

– Мариш, очень тебя прошу, не уходи – побудь со мною не много..., – сквозь слезы, с трудом произнося слова, с мольбою в голосе, просила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.